Изъ библіотеки Верхотурскаго уѣзд. Училища. 6го Іюля 1831 года

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ

БАСНИ

ѲЕДОРА ЭМИНА.

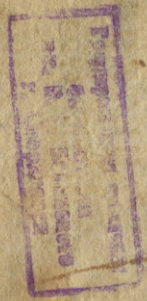
Провѣрено 1887 г.
Топогр. кат.
1890.
Редкие книги
48006

третїе изданїе.

на ижд. И. Г.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

съ дозв. указн. 1793 года.



М.1186773

ПАВЛИНЪ и ПѢТУХЪ.

Павлинъ увидя у нѣкотораго пѣтуха распущенной хвостъ, говорилъ ему: напрасно ты пѣтухъ свой хвостъ распространяешъ. Повѣрь мнѣ, что никто онаго не похвалитъ. На что такъ отвѣчалъ пѣтухъ: правда, что твой хвостъ хорошъ; но только и всего у тебя хорошаго. Голосъ твой очень дуренъ, такъ что и слышашь онаго скучно напротивъ того я своимъ пѣнїемъ рабочихъ людей по утрамъ поднимаю къ трудамъ, и они мною довольны. Ноги твои, продолжалъ пѣтухъ, совсѣмъ

гадки; мясо ничего не стоитъ. Что касается до меня, то я не только живой, но и по смерти всегда людямъ полезенъ; мясо мое покупаютъ они еще дороже, нежели когда я былъ живъ. Напротивъ того, за твое мясо никто ни полушки по твоей смерти не дастъ, и выбрасываютъ оное вонъ, а мое въ серебряную, а часто и въ золотую посуду кладутъ; и такъ нѣтъ тебѣ причины столько возноситься, когда вся твоя красота въ хвостѣ, а въ прочемъ ты весь ничего не стоишъ.

Не поверхность, но внутренныя добродѣтели похвалы достойны.

СТАРОЙ ЛЕВЪ и ОЛЕНЬ.

По случаю проходилъ олень презъ рощу, въ которой старой левъ лежалъ околѣвая, и едва могъ дыхать. Онъ увидя оленя,

закричалъ: умилосердись надо мною любезной олень, збѣгай поскорѣе къ рѣкѣ, и принеси мнѣ нѣсколько капель воды: я теперь очень старъ, и такъ весь изнемогъ, что едва пошевелиться могу, а жажда меня умерщвляетъ. Нѣтъ, господинъ левъ, отвѣчалъ олень: хоть ты въ сей часъ умри, я тебѣ воды не принесу. Тогда жалостнымъ голосомъ вскричалъ левъ: о! немилосердой олень! ужъ ли то мое нещастїе тебя не трогаетъ? Оно бы меня тронуло, отвѣчалъ олень, естьли бы ты въ жизни своей былъ добръ; но ты чрезъ всю твою жизнь насъ пожиралъ, терзая въ мѣлкїя части. Вся пустыня одного твоего рыку устрашалась, и самыя пещеры отъ твоей свирѣпости тряслися, а теперь милости моей просишъ, и стеня дряхлой не можешъ оборониться отъ мухъ

Теперь тебя славнаго героя обижаютъ мухи, и онымъ сопротивиться не можешъ. Ахъ! пожалуй, любезной олень, не упрекай меня прошедшею жизнїю, сказалъ левъ. Я познаваю свою вину, и въ оной раскаиваюсь; но естьли ты мнѣ принесешъ воды, и я отъ оной получу хотя нѣсколько силы, то всегда буду твоимъ другомъ. Ты въ то время, повторилъ олень, обѣщаешъ зла не дѣлать, когда его больше дѣлать не можешъ. Сжалься надо мною, господинъ олень, съ униженностїю говорилъ левъ; вить нещастїе и смерть, и въ самыхъ нашихъ непрїятеляхъ жалки; по той причинѣ я надѣюсь твоего обо мнѣ сожалѣнїя. Нимало не надѣйся, отвѣчалъ олень. Сожалѣнїе тому оказанное, кто онаго не достоинъ, и кто намъ опасенъ, за слабость и за неразсудокъ по-

читается. Кто всѣ свои лѣта препроводилъ въ разбойничествѣ и въ злодѣянїяхъ, съ тѣмъ разумная тварь и при глубокой старости не похочетъ дружиться. Притомъ я тебѣ опасаюсь принести воды; ибо естьли ты напьешся, то захочешъ и ѣсть, и по причинѣ твоей старости не могши пуститься вдаль искать ѣствы, меня съѣшъ. Выговоривъ сїе олень, побѣжалъ отъ льва съ торопливостїю, опасаясь, чтобъ онъ не всталъ, и не сдѣлалъ ему зла.

Кто надъ другимъ сожалѣнїя не имѣетъ, тотъ и самъ онаго во время крайней нужды не сыщетъ, и злому добро дѣлать опасно.

СУЛТАНЪ и КАМЕННОЙ СОСУДЪ.

Султанъ во время охоты гнавшись за олешемъ, отлучился

отъ всѣхъ своихъ рабовъ, и шатаясь по лѣсу чрезъ нѣсколько часовъ, наконецъ нашелъ пастушїй шалашъ. Будучи жаждою томимъ, сшелъ онъ съ своей лошади, и вошедъ въ оной, приказалъ пастуху подать себѣ стаканъ чистой воды. Пастухъ имѣя одинъ только глиняной сосудъ, побѣжалъ къ роднику, и почерпнувъ воды, поднесъ Султану. Сей гордый Государь первой разъ увидѣвъ такой сосудъ, вышибъ оной изъ рукъ пастушьихъ, говоря: я никогда изъ такихъ мерзкихъ стакановъ не пивалъ. Разбившїйся сосудъ слѣдующїй произнесъ голосъ: ахъ Султанъ! коль безразсудно ты мною гнушаешся. Я твой прадѣтъ, и я нѣкогда такой же былъ Султанъ, какъ и ты, а слава моя еще больше въ свѣтѣ гремѣла, нежели нынѣ твоя. По смерти моей меня похоронили

въ великолѣпномъ капищѣ; но всеснѣдающее время, все оное великолѣпїе въ ничто обратило, такъ что на томъ мѣстѣ осталась одна только глина, въ которую и мой пепелъ вмѣшался. Послѣ сего горшешники оную глину выкопавъ надѣлали много горшковъ и сосудовъ, и въ томъ самомъ, которой ты выронилъ изъ рукъ сего пастуха, находился мой пепелъ. И такъ не для чего тебѣ презирать простую землю, изъ которой ты произошелъ, и въ которую паки превратишся. Сей голосъ весьма потревожилъ Султана, и онъ ѣдучи чрезъ лѣсъ въ провожанїи пастуха, которой выводилъ его на большую дорогу, разсуждалъ, что легко тому статься можно, что и изъ него по смерти быть можетъ сосудъ, которой пастухи будутъ ставить въ печуркахъ. Но такое

размышленїе онъ позабылъ, какъ скоро пріѣхалъ въ Сераль.

Чрезмѣрно роскошная жизнь никакихъ нравоученїй не внемлетъ.

СОЛОВЕЙ и РОЗА.

Соловей возгордясь пріятнымъ своимъ пѣнїемъ, полетѣлъ къ Юпитеру, и подалъ доношенїе, чтобъ Юпитеръ далъ ему первое мѣсто по орлѣ; и видя, что Юпитеръ на его доношенїе не отвѣтствуетъ, говорилъ слѣдующее: Царь Царей! тебѣ то извѣстно, что я лучше всѣхъ птицъ пою, слѣдовательно долженъ быть въ первомъ степени достоинствъ. На что такъ ему отвѣчалъ Юпитеръ: ты такъ о себѣ думаешь, что лучше другихъ птицъ поешь. Правда, что многїе тебѣ въ томъ предъ прочими птицами даютъ преимущество; но Африканцы

лучше хвалятъ голосъ конареекъ, нежели твой, а Египтянамъ жаворонковъ лучше твоего нравится, и Африканцы не безъ причины такого о тебѣ мнѣнїя. Они знаютъ, что ты по большой части въ то время поешъ, когда люди спятъ. При томъ время пѣнїя твоего весьма коротко, и ты гораздо больше молчишъ, нежели поешь. Три четверти года ты пѣмъ, а одну только поешъ, и то часто не къ спати. Но какъ всѣ сїи доказательства не могли отвратить соловья отъ его требованїй, то Юпитеръ съ такою упрямою птицею употребилъ искуство. Онъ ей сказалъ: поди же, соловей, принеси мнѣ извѣстїе, какимъ образомъ роза свой цвѣтъ изъ зеленаго пучка производитъ, и какъ она раскидывается, а я по прозьбѣ твоей тебя удовольствую. Соловей

немедлѣнно полетѣлъ къ розѣ, и всю весну при ней пропѣлъ, желая увидѣть разцвѣтанїе оной, но имѣя наполненную мысль желанїемъ достоинства, никогда не примѣтилъ, какъ изъ своего пучка раскидывается роза. Отъ сего то произошло, что баснословы думаютъ, будто соловей въ розу влюбленъ, и что всегда въ своей любви нещастливъ.

Кто живетъ всего надѣясь, тотъ умираетъ ничего не имѣя.

ВОРЪ и КУПЕЦЪ.

Въ нѣкоторую темную ночь, закрался воръ въ купеческой домъ, и такъ искусно отворилъ хозяйской сундукъ, что купецъ не услышалъ, какъ воръ вытащилъ изъ онаго деньги. Послѣ сего отворилъ воръ чудеснымъ своимъ ключемъ шкапъ купцовъ, и началъ вынимать изъ онаго

серебро. Тогда съ серебряной чаши упала крышка, и сдѣлала великое брянчанїе, отъ котораго купецъ проснулся, и вскочивъ съ постели, побѣжалъ къ шкапу. Воръ ему попался въ руки. Онъ узнавъ изъ употребленїя своей силы, что купецъ былъ сильнѣе его, и что ему не льзя было изъ рукъ его вырваться, закричалъ: воры! воры! караулъ! У купца былъ одинъ только слуга, которой также узнавъ, что въ горницѣ воры, побѣжалъ прочь, опасаясь, чтобъ его не зарѣзали. Между тѣмъ полицейскїе алгвазилы на крикъ подоспѣли, и увидя, что купецъ давитъ вора, а воръ кричитъ караулъ, почли купца за вора и его схватили. Купецъ съ другой стороны думая, что то были товарищи имъ поиманнаго мошенника, схватилъ одного изъ нихъ и ударилъ объ землю. Тогда прочїе алгва-

зилы бросились на купца и его связали, не взирая ни на какїя его оправданїя. Между тѣмъ воръ побѣжалъ къ главному тамошнему судьѣ, и подарилъ ему нѣсколько изъ украденныхъ имъ денегъ, обвиняя купца воровствомъ, и прося, чтобъ онъ съ нимъ поступилъ по законамъ. Тогда сей судья въ удовольствїе доносщика, не разсмотря дѣла, ниже выслушавъ обвиненнаго, приказалъ купца отослать въ уголовную палату, а вора проводить своимъ алгвазиламъ въ мнимой его домъ. Воръ пришедши въ купеческой домъ, подъ видомъ осмотрѣнїя, не укралъ ли у него чего больше, нашелъ ключи, и отворя оными всѣ сундуки купцовы, нашелъ множество денегъ и серебра. Тогда напоивъ до пьяна данныхъ ему отъ тамошняго судьи алгвазиловъ, отпустилъ, а самъ пере-

несъ купцовы деньги и серебро въ свое жилище; потомъ посредствомъ толь проворнаго своего плутовства сдѣлался сей воръ откупщикомъ, и отъ того произошло, что въ Гишпанїи и въ иныхъ мѣстахъ, купцовъ называютъ ростовщиками и ворами, а купцы помня то приключенїе, что проворной воръ настоящаго хозяина, котораго онъ обокралъ, сдѣлалъ воромъ, принуждены отъ нихъ все терпѣливо сносить.

Лукавство часто затмѣваетъ правду.

ПЛОТНИКЪ и СУЛТАНЪ.

Плотникъ не далече отъ Султанскаго дворца въ строющемся домѣ мостя полъ, разсуждалъ о благополучїи Султановъ, что они райскимъ блаженствомъ наслаждаются, а онъ бѣдный

принужденъ былъ цѣлой день работать топоромъ. Въ обѣденное время, когда всѣ работники отдыхали, плотникъ Султанскому щастїю завидовавшїй, опершся на косякъ, и смотря на Султанской сераль, удивлялся онаго великолѣпїю. Случилось, что въ то самое время первая Султанша выѣхала изъ дворца верьхомъ. Она была одѣта въ Амазонское платье. Передъ нею шло сто дѣвушекъ богато убранныхъ; въ рукахъ онѣ несли вѣнки изъ разныхъ цвѣтовъ сплетенные, и пѣли прекраснымъ голосомъ любовныя пѣсни. Такое позорище привело плотника въ восхищенїе. Онъ столько влюбился въ Султаншу, что едва изъ окошка къ ней не выкинулся. Отъ того времени пересталъ сей любитель работать; ибо любовь праздности товарищъ. Жена его, которая была непо-

Шифр Инв. 48006

слѣдняя красавица, претерпѣвала крайнюю нужду. Плотникъ на разсвѣтѣ хаживалъ къ Султанскому дворцу, и почти всякой день у воротъ онаго стоялъ, ожидая, не выѣдетъ ли его любезная Султанша прогуливаться. Не разъ сей бѣднякъ палками провожаемъ былъ отъ евнуховъ и отъ янычаръ, однако они отъ дворца отогнать его не могли. Наконецъ случилось, что Султанъ переодѣвшись въ простое платье, чтобъ лучше видѣть, что въ народѣ дѣлается, шелъ по той улицѣ, на которой лежа плотникъ, плакалъ и воздыхалъ безпрестанно. Сей Султанъ былъ очень разуменъ и кротокъ. Онъ увидя въ чрезмѣрной печали погруженнаго плотника, спросилъ, кто его обидѣлъ. Плотникъ не узнавъ Султана, вскричалъ: ахъ! не докучай мнѣ въ моей грусти; нѣтъ въ свѣтѣ человѣка нещa-

м. 1186773.
55796
У.И.М.Л. БИБЛИОТЕКА

стнѣе меня, и горесть моя столь велика что мнѣ никто пособить не можетъ. Султанъ по природной своей кротости взявъ плотника за руку, отвелъ его въ сторону, и говорилъ ему слѣдующее: скажи мнѣ мой другъ правду, какое нещастїе тебя изнуряетъ? и повѣрь мнѣ, что я могу тебѣ сдѣлать вспоможенїе. Поди прочь, отвѣчалъ плотникъ; салдатъ еще бѣднѣе плотника, а ты мнѣ хочешъ помогать въ томъ, въ чемъ и самъ Визирь мнѣ помочь не можетъ. Тогда Султанъ вынувъ нѣсколько червонныхъ изъ кармана, далъ плотнику, говоря: не думай обо мнѣ, чтобъ я былъ столько бѣденъ. Я наперстникъ первой Султанши, которая меня послала за такимъ дѣломъ, которое того требовало, чтобъ я въ такое платье нарядился. Тогда бросился ему на шею пло-

шникъ, и облобызавъ Султана со слезами говорилъ: помилуй господинъ наперсникъ моей возлюбленной, пособи мнѣ въ моемъ нещастїи: я жестоко въ Султаншу влюбился. Дни съ два тому назадъ, я ее видѣлъ великолѣпно одѣтую, предъ нею всѣ гурры райскїя шли пѣшкомъ. Ахъ! сколько она хороша: что бы я далъ, естьли бы мнѣ хотя на одинъ день ее уступилъ Султанъ! у него и такъ много красавицъ. Такая плотникова рѣчь произвела въ Султанѣ и гнѣвъ и смѣхъ. Онъ удивлялся, что такого нашелъ совмѣстника любви; однако будучи разуменъ и веселаго нраву, приказалъ плотнику, чтобъ ему показалъ свое жилище, сказывая что естьли Султанша его полюбитъ, то онъ не знаетъ, гдѣ его сыскать, чтобъ увѣдомить о благополучномъ любви его

успѣхѣ. Плотникъ сдѣлался почти внѣ себя отъ радости услыша такую рѣчь и показавъ Султану свою избу подчивалъ его бузою. Султанъ примѣтя плотниково жилище, и увидя его жену, которая лицемъ была очень хороша, возвратился во дворецъ.

Въ слѣдующій день приказалъ Султанъ сварить крѣпко яйцо, и раскрасить разными китайскими узорами. Потомъ велѣлъ на серебреное блюдо положить сто некрашеныхъ крѣпкожъ свареныхъ яицъ, а на верьху оныхъ крашеное, которое весьма пріятной показывало видъ. Самъ переодѣвшись, пошелъ къ плотнику съ своимъ наперстникомъ, которой несъ блюдо съ яицами.

Плотникъ увидѣвъ Султана въ образѣ помянутаго наперстника чрезмѣрно обрадовался. Онъ ду-

малъ, что Султанша его къ нему прислала съ прошенїемъ къ себѣ въ гости. Слѣпые любители всегда почитаютъ себя любви достойными той особы, которую полюбятъ. Тогда приказалъ Султанъ плотнику сѣсть возлѣ себя, и велѣлъ, чтобъ взялъ одно изъ яицъ, которое ему лучше понравится. Плотникъ тотчасъ взялъ яйцо разными красками и Китайскими фигурами украшенное. Тогда Султанъ его спросилъ: для чего ты взялъ то яйцо, а не другое? Для того, отвѣчалъ плотникъ, что оно всѣхъ прочихъ красивѣе. Положи же оное яйцо на блюдо назадъ, повторилъ Султанъ, а потомъ я тебѣ опять оное возвращу. Какъ плотникъ положилъ яйцо на свое мѣсто, то Султанъ мигнулъ своему наперстнику, которой уже зналъ, что ему съ яйцомъ дѣлать на-

длежало. Сей Султанской спутникъ вышедъ тотчасъ въ сѣни, слупилъ скорлупу съ нѣсколькихъ яицъ, также и съ крашеного, и принесъ оныя въ горницу. Тогда Султанъ говорилъ плотнику: теперь возми себѣ то хорошое яйцо, которое ты прежде сего выбралъ по своему вкусу: оно на томъ же блюдѣ между прочими яицами находится. На что отвѣчалъ плотникъ: изъ чего теперь выбирать когда всѣ яица одинаки, и какъ можно узнать хорошое яйцо, когда съ него скорлупа снята? Ты очень разумно сказалъ, повторилъ Султанъ. Тоже думай и о Султаншѣ. Ты ее видѣлъ дорогими уборами украшенную, а по той причинѣ она тебѣ и показалась толь великою красавицею; но естьли съ нее снять то платье, и нарядить въ такое, какое носитъ твоя жена,

то повѣрь мнѣ, что она ни чѣмъ пригожѣе твоей жены не будетъ. Тогда плотникъ образумился, и Султанъ давъ ему нѣсколько червонныхъ, збылъ тѣмъ съ рукъ такого неслыханнаго любовника, которой хотѣлъ сдѣлаться ему своякомъ.

Неразумной человѣкъ всегда къ тому мысли свои простираетъ, чего онъ недостоинъ.

ВИНОГРАДЪ и ТЕРНОВНИКЪ.

Виноградъ будучи привезенъ въ деревню, весьма былъ тѣмъ недоволенъ, что при оной много растетъ терновнику. Онъ презирая сей кислой овощъ, хотѣлъ имѣть предъ нимъ преимущество, которое ему терновникъ безъ всякаго спору уступалъ. Тогда виноградъ всею деревнею былъ почитаемъ, а на терновникъ никто и не смотрѣлъ. На-

конецъ узнавъ крестьяне свойство винограда, начали изъ онаго дѣлать вино, и послѣ работы оное употребляли; потомъ такъ къ нему привыкли, что и работать перестали и всегда виномъ забавлялись. Тогда виноградъ встрѣтясь съ терновникомъ, такъ ему говорилъ: видишъ терновникъ, сколько я въ здѣшней деревнѣ друзей имѣю, напротивъ того тебя нынѣ жгутъ на огнѣ. На что такъ отвѣчалъ терновникъ: теперь еще ты виноградъ не хвастайся, посмотри, что будетъ наконецъ. Въ скоромъ времени послѣ сего мужики начали упиваться, и какъ послѣ пьянства обыкновенно человѣкъ имѣетъ жажду и часто ему кислаго хочется, то крестьяне проспавшись послѣ вина, ѣли терновые ягоды, чтобъ прогнать хмѣль, и видя, что терновникъ

хмѣль ихъ прогонялъ, начали его всѣ есть, за что разсердясь виноградъ, оставилъ деревню, и пошелъ въ царской городъ, гдѣ его корчмари съ охотою приняли; но и въ ономъ городѣ своимъ пребыванїемъ виноградъ не очень былъ доволенъ, по тому что одни только пьяницы великое ему оказывали почтенїе, а прочїе пили вино пополамъ съ водою. И такъ нигдѣ не сыскавъ виноградъ себѣ угоднаго мѣста, вездѣ шатался, а терновникъ остался при своемъ мѣстѣ, и удостоился великой почести; ибо многїе живущїе въ деревняхъ дворяне, когда онъ созрѣвалъ, его срывали, и дѣлали изъ него конфекты.

Чрезъ постоянность горесть въ сладость превращается.

УСТЕРСЪ и УЛИТКА.

Устерсъ достигнувъ до совершеннаго возраста, вздумалъ жениться. Онъ почти цѣлой годъ разсуждалъ, какую ему избрать супругу, чтобъ сходствовала съ его состоянїемъ. Наконецъ разсудилъ за благо жениться на улиткѣ. Принявъ такое намѣренїе, пошелъ къ своей уповаемой невѣстѣ, и объявилъ ей свое намѣренїе, притомъ спросилъ ее и о приданомъ. Улитка такимъ предложенїемъ была довольна, и сказала устерсу что въ приданое дастъ ему столько, сколько и онъ имѣетъ. У тебя есть изрядной домъ, говорила улитка, у меня также, и мы оба въ нашихъ домахъ будемъ жить. Вопъ въ чемъ состоитъ мое приданое, а красота дороже всего. Я также изрядной краса-

вецъ, сказалъ устерсъ. Не правда ли, любезная улитка? И очень, отвѣчала она; ибо ослѣпленная сильнымъ желанїемъ тварь, то за хорошее почитаетъ, чего ей хочется. Теперь мы другъ другу понравились, продолжалъ устерсъ, пойдемъ къ Нептуну, чтобъ нашу свадьбу торжествовать приказалъ. Нѣтъ, устерсъ, сказала улитка, у насъ женихъ вѣнчается въ храмѣ посвященномъ тому богу, которому дѣвица покланяется. Я и на то согласенъ, сказалъ устерсъ; пойдемъ къ Сильвану. Идучи къ сему лѣсному богу, встрѣтились они съ Сатиромъ, и позвали его въ дружки. Сей Сатиръ былъ живописецъ. Наконецъ ихъ свадьба была торжествована въ домѣ Сильвановомъ. На оную съѣхалось множество сатировъ, лѣшихъ, разнаго рода улитковъ, желвей и

легушекъ; Сатиру, ихъ дружкѣ, приказалъ Сильванъ списать молодыхъ портреты.

По окончанїи свадьбы устерсъ съ улиткою, дни съ два жили согласно, потомъ начали ссориться и другъ друга упрекать. Устерсъ укорялъ улитку, что она ничего не имѣла, и была очень гадка. Улитка тѣмъ же самымъ устерса упрекала. Ни одной минуты у нихъ не было безъ ссоры. Наконецъ устерсъ не уповая, чтобъ то..ь безобразная его жена могла найти какого нибудь защитника, началъ ее бить. Другїе устерсы его унимали, сказывая: что они состоянїемъ равны, и что нѣтъ причины имъ другъ другу завидовать. Тогда разсердясь устерсъ, отвѣчалъ своимъ товарищамъ: равенство не всегда хорошо. Когда щастливецъ равную себѣ щастїемъ супругу

получаетъ, такое равенство благополучно; но когда нещастливой на нещастной женится, тогда нещастïе его сугубо. Наконецъ улиткѣ наскучили побои, и она спозналась съ Сатиромъ, которой съѣлъ устерса, а по томъ и ее самую. И такъ устерсъ ошибся въ своемъ мнѣнïи, думая, что гадкая лицомъ жена не сыщетъ защитника; ибо есть много хуже ее, которые такую во время нужды почтутъ за красавицу. А улитка въ томъ обманулась, что отъ беззаконнаго и толь гадкаго любовника, каковъ былъ сей страшной Сатиръ, надѣялась добра.

Кто безразсудно женится, тотъ одинъ только день бываетъ счастливъ, то есть, въ тотъ день, въ которой играетъ свадьбу.

МУЖИКЪ и ЛОШАДЬ.

Мужикъ ѣдучи въ лѣсъ за дровами, пѣнялъ на свою судьбу. Чѣмъ я предъ тобою судьба виноватъ, говорилъ крестьянинъ, что ты меня изъ подлыхъ произвела? О бѣдные мужики! Мы на своего барина работаемъ какъ ослы; кормимъ его, дрова и всѣ припасы ему привозимъ, а онъ насъ за то обижаетъ, и естьли ему какой его товарищъ досадитъ, то онъ съ нимъ не смогши, насъ обижаетъ. Сїе размышленїе въ такую его привело досаду, что онъ сряду разъ съ пять крѣпко ударилъ свою лошадь, которая выслушала всѣ его жалобы. Тогда сїя скотина такъ говорила мужику: ты въ томъ на барина жалуешся, въ чемъ самъ больше его виноватъ. Ты сердишся на барина, а меня бьешь; хотя я

тебѣ больше добра дѣлаю, нежели ты барину; ибо безъ меня ты бы ему совсѣмъ не годился. Ты мною пашешъ хлѣбъ, которой и самъ ѣшъ и барину отвозишъ. Дрова какъ для барина, такъ и для себя мною же возишъ, однако не взирая на ту пользу, которую я тебѣ приношу, безразсудно и безвинно меня бьешь, и ежели я такую отъ тебя сношу обиду и молчу, то и тебѣ ненадобно на барина жаловаться. Судьба наша почти одна. Теперь тотъ виноватъ, кто нещастливъ, а правъ тотъ, кто съ кѣмъ совладѣть можетъ.

Иного нещастїе усмиритъ не можетъ, и онъ больше другимъ вредитъ, нежели самъ претерпѣваетъ.

ЛИСИЦА и ВОЛКЪ.

Лисица поймавъ въ деревнѣ курицу, несла ее въ свою нору, въ которую въ отсутствїи ея влезъ волкъ. Какъ скоро она сама туда влезла, то волкъ ее схватилъ. Лисица видя себя въ крайней опасности, хотѣла здаться на договорѣ, и говорила волку: я тебѣ уступлю свое жилище, и въ дань отдамъ ту курицу, которую поймала, и вседневно буду тебѣ приносить по курицѣ, только дай мнѣ отсюду выбраться съ душею, а впрочемъ нору совсѣмъ тебѣ уступаю. Добро, отвѣчалъ волкъ; не всегда твоя хитрость удачна. Ты съ поиманными прежде сего курицами не дѣлала никакихъ договоровъ, и ихъ ѣла; онѣ также бы тебѣ уступили свою корзину, естьли бы ты ихъ живыхъ оста-

вить хотѣла. Такъ и я съ тобою договариваться не хочу, и тебя съѣмъ; послѣ сего растерзалъ волкъ лисицу и съѣлъ.

Кто чемъ воюетъ, отъ того и самъ часто пропадаетъ.

МОРЕХОДЕЦЪ и ТРУБА.

Нѣкоторой мореходецъ столько былъ влюбленъ въ свою морскую трубу, что всегда ее въ рукахъ носилъ, какъ похаживалъ по кораблю. Нѣкогда случилось ему, сидя возлѣ капишанской каюты, услышать важную тайну, которой капитанъ корабля сообщилъ своему порутчику. Тогда мореходецъ пошелъ въ свой уголъ, и тамъ любовался трубою. Труба спросила его, что онъ услышалъ сидя возлѣ капитанской каюты. Мореходецъ не хотя ничего утаить предъ своею любезною

трубою, сказалъ ей тихонько все имъ слышанное. Въ то самое время, когда онъ ей шепталъ, чрезъ большой ея ротъ тайна въ слухъ пронеслась, и всѣ объ оной узнали. Сіе приключеніе дошло до ушей Капитана, который свѣдавъ, что тайна его была всѣмъ явна, велѣлъ мореходцу урѣзать языкъ, а трубу приказалъ поставить въ свою каюту за то, что она была очень громка.

Гдѣ что важное услышишь, того никому не открывай, ниже самому искреннѣйшему твоему другу; ибо подлинно знать не можешь, не похожъ ли онъ на трубу, и не выдетъ ли тотчасъ изъ его рта то, что ты ему на ухо сказалъ. Таковый хотя послѣ и всѣхъ увѣдомитъ о слышанномъ отъ тебя; однако онъ можетъ выправиться, и вся бѣда на твой щотъ останется.

КУРИЦА и УТКА.

Курица, живущая въ приморскомъ городѣ, свела тѣсное дружество съ уткою, и вездѣ съ нею вмѣстѣ бродила. Они ѣли и пили вмѣстѣ, и цѣлую зиму въ превеликомъ жили согласїи. Наконецъ пришло лѣто, и хозяинъ выпустилъ ихъ на волю. Тогда утка звала съ собою курицу на море, обѣщая ей великое на ономъ щастїе. Тамъ рыбъ очень много, говорила утка, и сего дни мы себѣ сдѣлаемъ великой банкетъ, а можетъ быть и домой принесемъ по рыбкѣ. Курица повѣря уткѣ, и любя ее чрезмѣрно, послѣдовала за нею. Какъ скоро они пустились на море; то волны начали курицу уносить отъ береговъ; ибо курица ни мало не умѣла плавать, будучи съ природы къ тому неспособна,

а утка носясь по волнамъ, ловила рыбу спокойно. Наконецъ курицу волнами отбило далеко отъ утки, и она въ такой крайней бѣдѣ начала кричать и призывать утку на помощь. Утка увидя, что курицѣ пособлять не легко и опасно, сказала ей: не опасайся, подруга, переплывешъ на другую сторону; тамъ земля очень хороша, а для разумной твари весь свѣтъ отечество. Наконецъ курица узнала, но поздо, свою ошибку, что ей не надобно было дружиться съ уткою, которая совсѣмъ иныя имѣла свойства.

Съ человѣкомъ, который имѣетъ противной твоему нравъ, дружиться опасно.

ИЗГНАННОЙ ПРЕСТУПНИКЪ ищущій правды.

Изгнанной изъ своего отечества преступникъ не себя, но

отечество винилъ, и говорилъ, что нѣтъ въ свѣтѣ правды. Наконецъ вздумалось ему ее искать по всему свѣту. Ему извѣстно было, что о ней надобно спрашивать людей нещастныхъ; ибо рѣдко сыщется такой щастливецъ, которой бы ее зналъ.

Онъ пришедши къ воротамъ нѣкотораго большаго города, увидѣлъ человѣка въ весьма бѣдномъ платьѣ. То былъ учитель, которой въ ономъ городѣ не могъ сыскать мѣста. Преступникъ спросилъ его: не знаешь ли другъ мой, не живетъ ли въ семъ городѣ правда? Ты съ ума сошелъ, отвѣчалъ ему учитель. Правда никогда въ такихъ великихъ городахъ не живала; да какъ ей и жить, продолжалъ онъ, въ такомъ городѣ, въ которой зависть и злоба вселилась. Тамъ по улицамъ скита-

ющїеся лѣнивцы, завидуютъ трудолюбивымъ, и оныхъ презираютъ. Рукомесленники ненавидятъ купцовъ потому, что ихъ богатѣе, купцы покупаютъ чины и нечиновныхъ своихъ товарищей за ничто почитаютъ. Чиновные желаютъ министерства. Министры стремятся къ славѣ и сокровищамъ. Ученые люди жалуются на судьбу, что не столько ихъ набогатила, какъ прочихъ, и чѣмъ кто меньше ученъ, тѣмъ больше завидуетъ тому, кто его разумнѣе. Никто своимъ не доволенъ, изъ чего слѣдуетъ что богатой разоряетъ бѣднаго, отнимая у него и послѣднее. Тогда бѣдные по улицамъ скитаются, а по томъ обижаютъ и грабятъ тѣхъ, кои имъ никакого зла не сдѣлали, потому что съ своими злодѣями совладѣть не смогутъ; отъ того

часто происходятъ убивства и кровопролитїя. Такъ можно ли и подумать, чтобъ правда жила въ такомъ опасномъ мѣстѣ? Тогда поблагодаря преступникъ учителя за обереженїе, пошелъ въ деревню недалеко отъ онаго города отстоявшую. Тамъ ему попался на встрѣчу мужикъ, которой задумавшись шелъ по улицѣ. Преступникъ спросилъ его: скажи мнѣ, дружокъ, не у васъ ли живетъ Правда? Мужикъ услыша такой вопросъ, отвѣчалъ прохожему. Какъ ты хочешь, чтобъ правда жила въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безумной управитель ворочаетъ всѣми жителями? Дворецкой нашего господина, продолжалъ мужикъ, которой теперь надъ нами господствуетъ, прежде былъ такой же крестьянинъ какъ и я; но какъ его изъ мужиковъ взяли въ лакеи, и

обрили ему бороду и усы, то онъ совсѣмъ о прежнемъ своемъ состоянїи позабылъ. Послѣ же какъ въ городѣ научился быть плутомъ, что баринъ почиталъ за проворство и разумъ, то онъ его прислалъ къ намъ управителемъ. Услышавъ такой отвѣтъ изгнанецъ воротился назадъ, и пустился въ лѣсъ, думая, что Правда уединенїе любитъ. Искалъ ее по всему лѣсу, и наконецъ пришелъ въ пустыню, въ которой нашелъ старика сѣдинами украшеннаго, сидящаго на камнѣ и на небо смотрящаго. Платье на немъ было очень ветхое и раздранное, такъ что лоскутья кругомъ его висѣли. Изгнанецъ посмотря на сего старика, сказалъ про себя: я ищу Правды, а нашелъ бѣду. Потомъ спросилъ старика, какъ его зовутъ? Старикъ отвѣчалъ ему: меня зовутъ

Правдою. Нѣтъ, вскричалъ изгнанецъ, развѣ ты неправда; ибо правда никогда толь бѣдною не бывала; ее всѣ ученые люди прославляютъ, и много есть въ свѣтѣ такихъ знатныхъ и богатыхъ мудрецовъ, которые могли бы тебя содержать благопристойно, естьли бы ты была настоящая Правда. ученые люди, отвѣчала правда, главные мои непрїятели. Чрезъ ученость они навыкаютъ быть лукавыми и хитрыми, а не правдивыми, и чтобъ имъ народъ лучше вѣрилъ, то они мнѣ приписываютъ великїя похвалы, а внутренно меня ненавидятъ. Преступникъ Правдѣ не хотѣлъ въ томъ повѣрить, и сказалъ: ты хочешь меня обмануть не имѣя никакого истинны словъ своихъ свидѣтеля. Тогда вздохнувъ, отвѣчала Правда: тѣмъ то вы и нещаст-

ны безразсудные, что въ убогихъ и бѣдныхъ правды не познаваете, и когда бѣдной человѣкъ вамъ истинну говоритъ, то вы словамъ его не вѣрите. Сія искренняя рѣчь также не увѣрила преступника, что онъ нашелъ правду; ибо какъ можетъ злодѣй познать истинну? Онъ отъ нее ушелъ, и углубился въ дремучій лѣсъ, гдѣ встрѣтился съ Сатиромъ, которой увидя его схватилъ и спросилъ: кого ты ищешь? Правды, отвѣчалъ изгнанецъ: а я ищу тебя, повторилъ Сатиръ. Изъ такой рѣчи заключилъ изгнанецъ, что онъ нашелъ Правду, и что Правда сама его искала столько же сколько и онъ ее. Наконецъ спросилъ изгнанецъ Сатира: а ты кто, государь мой? Я Сатиръ, отвѣчалъ онъ. Тогда испужавшись вскричалъ изгнанецъ: можно ли статься, чтобъ

въ тебѣ была правда? Потомъ, спросилъ его Сатиръ: а ты кто таковъ? Я изгнанной изъ отечества преступникъ, отвѣчалъ изгнанецъ. Сатиръ сказалъ: слыхано ли гдѣ, чтобъ злодѣй нашелъ правду. Выговоривъ сїе растерзалъ его въ клочки.

Злодѣй думая, что ищетъ своего добра, находитъ зло.

ПАУКЪ и МУХА.

Муха утомясь летанїемъ сѣла на паутину и увязла. Паукъ выбѣжавъ изъ своего гнѣзда выговаривалъ мухѣ, для чего она его работу портитъ. Муха всячески извинялась, сказывая, что она не имѣла намѣренїя испортить его работу. Да я ее и не испортила, говорила муха; я только сѣла для отдохновенїя на твоей тѣнетѣ. За чѣмъ же ты осмѣлилась вступить

въ мои предѣлы безъ моего дозволенія? спросилъ ее паукъ. Я вездѣ вольна, отвѣчала муха; въ полѣ и въ садахъ, на морѣ въ корабляхъ и въ царскихъ чертогахъ летать мнѣ не возбранно. Я вездѣ могу жить, и послѣ летанія отдыхать. Чего же мнѣ было сомнѣваться сѣсть въ такомъ темномъ уголкѣ, которой ты избралъ своимъ жилищемъ. Излишняя вольность, сказалъ паукъ, превращается въ неволю. Кто никакихъ опасностей не боится, тотъ часто въ оныя впадаетъ; и естьли тебѣ поле, море, и всѣ жилища открыты, и дозволено вездѣ жить, и то ѣсть, что гдѣ ни сыщешъ, то не можешъ требовать, чтобъ и я не былъ воленъ въ своемъ гнѣздѣ. Тогда не зная муха, какимъ образомъ спастись, и думая, что паукъ за то на нее сердитъ, что она

много вольности себѣ приписывала, такъ говорила пауку: не думай, господинъ паукъ, чтобъ я столько вольности имѣла, какъ ты обо мнѣ думаешъ. Въ царскихъ покояхъ я рѣдко бываю, ибо тамъ много гайдуковъ, которые всегда меня убиваютъ и гонятъ меня повсюду. Когда Цари, повторилъ паукъ, имѣя множество покоевъ, тебѣ во оныхъ мѣста не даютъ, и тебя приказываютъ убивать, то какъ хочешь, чтобъ я имѣя одно только, и то весьма тѣсное жилище, тебѣ далъ мѣсто въ ономъ, и не лишилъ тебя жизни за то, что ты все то, что я имѣю, разорила. Выговоривъ сіе паукъ задавилъ муху.

Опасность бываетъ тамъ, гдѣ ее не надѣешся.

ЗОЛОТАРЬ и КУЗНЕЦЪ.

Золотарь съ кузнецомъжилъ въ одной улицѣ, и будучи не доволенъ безпрестаннымъ его стукомъ, пошелъ на него жаловаться Сатурну, и просилъ сего бога времемъ, чтобъ сослалъ кузнеца въ заточенїе. Ты знаешъ всѣхъ старѣйшїй богъ, продолжалъ золотарь, что нынѣ такое время, въ которое всѣ любятъ богатство, слѣдовательно нужнѣе обществу золотарь, нежели кузнецъ; и такъ я тебя прошу, чтобъ сїе дѣло рѣшилъ поскоряе, а надобно неотмѣнно, чтобъ одинъ изъ насъ былъ сосланъ въ ссылку, или онъ или я. Сатурнъ зная, что кузнецъ нужнѣе для общества, нежели золотарь, хотѣлъ сослать золотаря, а кузнеца оставить; но всѣ онаго города жители вступились за золота-

ря. Женщины говорили Сатурну: кто намъ будетъ дѣлать серги, перстни, кольца, пряжки и прочія вещи, ежели толь нужнаго мастера лишимся? Мущины говорили, что намъ всѣмъ должно будетъ желѣзные шпаги, пряжки и пугвицы носить, и изъ желѣзной же посуды ѣсть, ежели сей славной мастеръ отсюда уѣдетъ. Сатурнъ предвидя, что народъ лишась кузнеца, современемъ будетъ раскаиваться, приказалъ кузнецу выѣхать изъ оной земли, говоря: ты отъ меня всего надѣйся зная, сколько перемѣнъ я дѣлаю въ свѣтѣ. И такъ кузнецъ выѣхалъ изъ онаго города. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его отъѣзду всѣ ножи и вилки поломались; сошниковъ, серповъ и косъ не стало; не было чѣмъ ни хлѣба куска отрѣзать, ни земли пахать, ни сѣна косить,

и въ оной землѣ великой былъ голодъ. Тогда золото всѣмъ было омерзительно, и каждый проклиналъ золотаря, что былъ причиною кузнецовой ссылки. Послѣ всѣ знатные и бѣдные собравшись вмѣстѣ, пошли къ Сатурну, и просили сего бога, чтобъ имъ возвратилъ кузнеца. Сатурнъ сдѣлалъ имъ выговоръ, что они не познавая, кто имъ былъ нужнѣе, выгнали кузнеца, а потомъ склонился на ихъ прозьбу, и возвратилъ имъ сего нужнаго изгнанца.

Почти всѣ хорошее, предпочитаютъ нужному, однако никто безъ нужнаго обойтись не можетъ.

ЦЫГАНКА и ЗВѢЗДОЧЕТЪ.

Идучи звѣздочетъ по улицѣ, увидѣлъ, что цыганка смотря на ладонь нѣкоторой старухи, предсказывала ей разныя благо-

получїя. У старухи лежалъ на ладони рубль, которой служилъ цыганкѣ вмѣсто шара, изъ коего созвѣздїя она узнавала человѣческїя приключенїя. Сїе увидя звѣздочетъ подошелъ къ цыганкѣ и говорилъ: для чего ты не въ свое дѣло вступаешся? Это только мнѣ прилично угадывать, что впередъ случится. Ежели ты столько уменъ, повторила цыганка, то угадай по рукѣ сей старухи, что съ нею впредь случиться можетъ. Этого я скоро учинить не могу, отвѣчалъ Астрологъ; ибо теперь полдень, а мнѣ надобно самыя лучшїя наблюденїя дѣлать ночью. Такъ я умнѣе тебя, сказала цыганка; ибо я въ каждое время могу предвѣщать. Покажи же мнѣ опытъ своего предвѣщанїя, сказалъ Астрологъ. Изрядно, продолжала она; смотри ты

видишь этотъ рублевикъ у старухи на ладони? Вижу, отвѣчалъ Астрологъ. Смотри же прилѣжно, сказала цыганка: теперь онъ у нее на ладони, а чрезъ минуту будетъ у меня въ карманѣ. Выговоривъ сіи слова, схватила рубль и положила въ свой карманъ, а старухѣ сказала: поди домой мапушка, тамъ ты сыщешь благополучіе. И такъ цыганка себѣ подобнаго въ наукѣ Астролога побѣдила, и обманула старуху. И подлинно столько же знаютъ предбудущее Астрологи, сколько и цыганки.

Старуха съ радостію побѣжала домой. Старикъ мужъ ея спросилъ, принесла ли она хлѣбъ? Нѣтъ, отвѣчала старуха: я не могла размѣнить рублевика, и отдала оной цыганкѣ, которая мнѣ сказала, что мы будемъ благополучны, какъ только я

возвращусь домой. У старика всего одинъ только былъ рублевикъ, и онъ съ досады, что потерялъ оной напрасно, прибилъ старуху костылемъ.

Кто безразсудно ищетъ невозможнаго, тотъ тратитъ и то, что имѣетъ, и находитъ беду.

КОЗЕЛЪ и ЖРЕЦЪ.

Нѣкогда храма Аполлонова жрецъ ходя по берегамъ Амфитриты, увидѣлъ большаго козла на тронѣ лежащаго, и по обычному къ роду тѣхъ скотовъ омерзенію, отвратилъ отъ него лице свое, что примѣтя козелъ прибѣжалъ къ нему, и говорилъ: по какой причинѣ ты, Аполлону угодной жрецъ, почтенную свою рожу отъ меня отвращаешь? На что съ негодованіемъ отвѣчалъ жрецъ: я такихъ мерзкихъ

тварей каковъ ты, терпѣть не могу. Повѣрю, повторилъ козелъ, ибо чиновной человѣкъ всегда своего равнаго меньше почитаетъ, нежели себя, а большому завидуетъ. Что ты блеешъ? разсердясь, говорилъ жрецъ; этого и Юпитеръ сдѣлать не можетъ, чтобъ ты былъ мнѣ равенъ. Напрасно вы такъ бармотать изволите, отвѣчалъ козелъ. Вамъ не должно при такихъ бездѣлицахъ Юпитерова имени упоминать, и естьли жрецы не будутъ содержать въ почтенїи Юпитерова имени, то что же дѣлать станетъ простой народъ? Я вашему здоровью, продолжалъ козелъ, докажу, что вамъ во всемъ равенъ; извольте послушать: шерсть на обѣихъ насъ дикаго цвѣту, съ тѣмъ только различїемъ, что моя природная, а ваша чужая, а можетъ быть

съ какого нибудь моего брата или сестры, и потому вы мнѣ будете роднею. Бороды наши длиною равны, только ваша разчесана, а моя нѣтъ. Роги у обоихъ насъ изрядны; моими меня снабдила природа, а васъ украсила почтенная ваша супруга. Правда, что ваши роги не видны; однако, повѣрьте, что больше о нихъ разсуждаетъ народъ, нежели о моихъ. Жрецъ потрясъ кудрями, и погладя свою предлинную бороду, въ которой все его состояло достоинство, угрожалъ козлу Аполлономъ; а козелъ ему отвѣтствовалъ, что пріятнѣе Аполлону простой козелъ нежели лукавой жрецъ, и что людямъ больше пользы отъ козлиной шерсти нежели отъ предлинной жрецовой бороды.

Что за собою знаешь, въ томъ другаго не обличай.

ГОЛУБЬ и ЯСТРЕБЪ.

Дикой голубь прилетѣвъ въ свое гнѣздо, нашелъ голубку свою жестоко рыдающую. Онъ ее спросилъ о причинѣ такой нечаянной печали. Голубка ему сказала, что воронъ утащилъ изъ гнѣзда дѣтей ея. Тогда полетѣлъ голубь въ отчаянїи искать справедливости; онъ увидѣлъ ястреба на высокомъ дубѣ сидящаго, и прилетѣвъ къ нему жаловался на ворона, и просилъ его о защищенїи. Ястребъ будучи голоденъ, бросился на голубя. Голубь обратился въ бѣгство, и съ полчаса былъ ястребомъ гонимъ. Наконецъ едва съ превеликою трудностїю отъ него улетѣлъ, и прилетѣвъ къ своей голубкѣ, жаловался на несправедливаго ястреба, что онъ нарушилъ право страннопрїимства; что услыша голубка, такъ ему го-

ворила: ты на мошенника жаловался разбойнику; гдѣ это слыхано, продолжала она, чтобъ тотъ, которой всѣмъ птицамъ вредитъ, помогъ одному голубю!

Безразсудителенъ тотъ, кто отъ злодѣя благодѣяній надѣется.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ПЕСЪ.

Крестьянинъ имѣлъ нужду съ своимъ сосѣдомъ повидаться. Онъ зная, что у него была весьма злая собака, взялъ съ собою большой ломоть хлѣба.

Пришедши на сосѣднїй дворъ кинулъ собакѣ кусокъ хлѣба, которой она схватя, съѣла; между тѣмъ, крестьянинъ вошелъ въ избу.

Онъ переговоря съ сосѣдомъ простился съ нимъ и пошелъ домой; тогда опять собака напала на крестьянина. Крестьянинъ по прежнему бросилъ ей кусокъ хлѣба, которой она въ

ѣкорости проглотя, паки бросилась на мужика. Онъ ей еще бросилъ кусокъ хлѣба, которой собака съѣла, и опять погналась за крестьяниномъ. Наконецъ у него хлѣба не стало, и собака очень вредно его укусила за ногу, и можетъ статься, чтобъ еще больше его повредила, естьлибъ онъ схватя камень не ударилъ ее крѣпко въ голову, и тѣмъ образомъ отъ себя ее не отогналъ.

Отъ злаго добрымъ не спасется.

ПТИЦЕЛОВЪ и ДРОЗДЪ.

Птицеловъ увидя въ кустарникѣ сидящаго дрозда, приближался къ нему съ силкомъ. Дроздъ увидя, что охотникъ къ нему подходитъ, отлетѣлъ отъ него на нѣсколько шаговъ. Птицеловъ туда же за нимъ поспѣшалъ, но дроздъ отъ него улетѣлъ подалѣе прежняго, и

такъ охотникъ цѣлые полчаса за дроздомъ гнался. Наконецъ сѣлъ по случаю дроздъ на такомъ мѣстѣ, предъ которымъ была глубокая яма большою травою заросшая. Птицеловъ весьма пристально смотрѣлъ на дрозда, и приближаясь къ нему съ силкомъ, упалъ въ яму на камень, и переломилъ ногу.

Кто для погибели другаго яму роетъ, тотъ самъ часто въ оную впадаетъ.

КУРИЦА и ЛИСИЦА.

Курица улетѣвъ изъ крошни, въ которой ее везъ крестьянинъ въ городъ для продажи, взлетѣла на высокую сосну, гдѣ увидя ее лисица, подошла близко, и смотрѣла быстро на курицу; но не могши взлесть на дерево, говорила: куда сколь я нещастна, что свѣтъ не знаетъ о моихъ добродѣтеляхъ

у меня хлѣба, пшеницы и всякаго зерна премножество; я бы желала, чтобъ всѣ сироты о томъ узнали, и ко мнѣ жить пришли; я бы ихъ безденежно кормила. Курица очень была голодна, и услыша лисицыну рѣчь слетѣла ниже, и спрашивала лисицу: возметъ ли она ее къ себѣ жить? Лисица съ притворнымъ удовольствіемъ говорила курицѣ: я бы рада тебѣ оказать милость, когда бы знала, что ты честная тварь. Курица божилась, что она никому зла не сдѣлала. Ну, я тебѣ повѣрю, сказала ей лисица, и поведу въ свой домъ, только съ тѣмъ, чтобъ ты съ прочими моими питомцами жила согласно. Курица обѣщалась во всемъ быть послушною лисицѣ, и какъ скоро съ дерева слѣтела, то лисица ее схватя съѣла.

Великъ злодѣй тотъ, которой подъ видомъ добродѣтели зло дѣлаетъ.

ПОЛИМНІЯ и МЕЛПОМЕНА.

Мелпомена имѣя великую вольность во всемъ, столько была снисходительна, что не погнушалась съ Парнассу пойти въ вольной домъ. Въ скоромъ времени за нею туда прибыла и Полимнія. Она на головѣ имѣла вѣнецъ сплетенной изъ разныхъ цвѣтовъ; ибо жемчужной, которой носила въ древніе вѣки, она продала, и употребила деньги на тотъ духъ, которымъ возгаряются всѣ ея послѣдователи. Она увидя Мелпомену одѣтую въ платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ сшитое, съ удивленіемъ говорила: преславная Мелпомена! что тебѣ сдѣлалось? что за несправедливая судьба такими знатности твоей ни мало неприличными нарядами твою уничижаетъ красоту? На что отвѣчала ей Мелпомена: мною же

рыдуманная судьба, меня нещастною сдѣлала. Въ древнїе вѣки я была у всѣхъ народовъ въ великомъ почтенїи; тогда я была посредственницею между тщеславїемъ и добродѣтелїю, людей отъ пороковъ своихъ искуствомъ отвращала, и внушала въ человѣческїя сердца боязнь и сожалѣнїе о бѣдныхъ. Приказывала опасаться печальныхъ случаевъ, и сожалѣть о тѣхъ, кои онымъ подвержены; но нынѣ многїе, свойства мои уничтожаютъ, и моимъ искуствомъ портятъ человѣческїе нравы. Прежде Греки и Римляне меня обожали, и тѣ, которые со мною знались, были первые въ свѣтѣ люди, а нынѣ въ службу мою записались сидящїя за прялицею старухи; ибо и онѣ помня прежнїе свои непорядки, и печалясь о томъ, что больше оныхъ дѣлать не могутъ, мо-

имъ искуствомъ оплакиваютъ свою потерю. Всѣ любовники теперь подъ моею властїю, также всѣ задумчивые, кои разнымъ образомъ раздробляютъ мое искуство: каждый въ томъ упражняется, чтобъ воспламенять сердца любовїю и заражать оныя унынїемъ. Для чего же у тебя, сказала Полимнїя, платье сшитое изъ разныхъ лоскутковъ? Для того, отвѣчала Мелпомена, что мои подчиненные жертвуютъ мнѣ всегда разными матерїями, изъ которыхъ я носить принуждена уборъ. Но тѣ мнѣ несноснѣе всего, продолжала она, что употребляютъ нынѣ мое искуство на такїя дѣла, которыя затмѣваютъ мою славу; ибо естьли кто похочетъ съ своею любезною прїятностїю въ любви наслаждаться, то употребляетъ въ свою пользу мое

искуство. Не тужи, бѣдная Мелпомена, сказала ей Полимнїя; я тебѣ во всемъ товарищница; не однимъ твоимъ искуствомъ влюбленные склоняютъ своихъ любовницъ къ удовольствованїю ихъ страстей; они умѣютъ плакать и употреблять мое искуство въ такомъ случаѣ. Я прежде сего въ судейскихъ мѣстахъ обитала; моимъ искуствомъ процвѣтало правосудїе; онымъ побѣждаема была свирѣпость непрїятелей и укрощаемы народныя смятенїя, мною истинна въ народѣ была почитаема, и я ни съ кѣмъ прежде не имѣла знакомства, кромѣ геройства и правды; но какъ геройство и правда умерли, не оставя по себѣ никакого наслѣдника, то меня оставшуюся безъ всякой защиты сироту, силою къ себѣ взяло притворство, съ которымъ въ родствѣ политика, министерїя,

Куплена 1799 года

скупость, которую многіе называютъ экономіею, и иные многіе подобные, подъ руководствомъ притворства управляемые, такъ что совсѣмъ теперь свойство мое перемѣнилось, и плодъ мой не тотъ, которой былъ прежде. До сего времени я раждала добродѣтель; а теперь интересъ. Прежде духъ моихъ послѣдователей возгарялся желаніемъ славы, а теперь Бахусовымъ плодомъ.

ПОДЬЯЧІЙ и ПОРТНОЙ.

Подьячій принесъ къ портному два аршина сукна, которое получилъ отъ нѣкотораго челобитчика, и приказалъ ему сдѣлать изъ онаго сукна кафтанъ, камзолъ и штаны. Портной посмотря на превысокаго подьячаго, бросилъ ему сукно въ глаза, и говорилъ: я подьячимъ никогда не бывалъ, чтобъ

изъ малаго дѣлать большее. Это вамъ только прилично, чтобъ изъ того дѣла, которое бы могло быть заключено въ нѣсколькихъ страницахъ, дѣлать двѣ или три тетрати, чтобъ вамъ челобитчикъ за труды заплатилъ побольше, хотя труды ваши гораздо меньше стоятъ той бумаги, которую вы на дѣло употребили. Напротивъ того мы наблюдаемъ экономїю, и изъ многаго дѣлаемъ малое. Къ намъ хотя кто восемь аршинъ сукна на пару платья принесетъ, то мы лишку въ томъ не найдемъ, и у насъ вѣсъ и количество совсѣмъ общей Математикѣ противны. Мы изъ осьми аршинъ, такую же дѣлаемъ пару, какую изъ пяти. Какимъ образомъ это дѣлается, вскричалъ подьячїй? Куда же лишнїе три аршина вы дѣваете, естьли изъ пяти мо-

жно сдѣлать пару платья? Эти три аршина, отвѣчалъ портной, идутъ въ обрубку. Нѣтъ, вы преестественные воры, говорилъ съ крючкотворнымъ краснорѣчїемъ сей фалелей; и какъ у тебя изъ пяти аршинъ такая же пара въ покроѣ выходитъ, какъ и изъ осьми, то ты долженъ быть мошенникъ; и дабы тебя въ страхъ другимъ портнымъ безъ наказанїя не оставить, для того отъ меня будетъ подана жалоба. Въ первомъ пунктѣ покажу, что ты человѣку присяжному бросилъ сукно въ глаза, а это великое безчестїе такой особѣ, какъ я. Знаешь ли, другъ мой, что мнѣ скоро производство слѣдуетъ Подканцеляристомъ? Прошу не прогнѣваться, ваше здоровье, сказалъ ему портной, будто испугавшись подьячего. Ваши касательствы, когда и

Канцеляристомъ будете, тѣ же самые будутъ, что и мое нынѣ. Я наблюдаю общее портныхъ правило, чтобъ хотя полвершка сукна для себя отрѣзать, хотя бы оно ни къ чему мнѣ негодилось, и то дѣлаю для того, чтобъ своего искуства не позабыть; ибо естьли бы я отвыкъ отъ сего общаго нашего правила, то бы позабылъ взять себѣ и тотъ лишней аршинъ другой парчи, которую намъ приносятъ. Подобнымъ образомъ и вы, продолжалъ портной, теперь не презираете брать и пять копѣекъ, чтобъ своего искуства не позабыть, и не пропустить послѣ взять нѣсколько десятковъ рублей. Послѣ сего приказалъ портной своему ученику принести водки, и поднесъ подьячему превеликую рюмку, которую онъ выпорожнивъ до ка-

пли, позабылъ о своей обидѣ, и о томъ, что хотѣлъ бить челомъ на портнаго, а наконецъ и тѣ два аршина сукна, которое принесъ къ портному, не зная онаго цѣны, продалъ ему за нѣсколько гривенъ и пошелъ домой.

Злодѣй всегда свое злодѣйство скорѣе увидитъ въ другомъ, нежели въ себѣ.

ПТИЦА БУСЕЛЬ.

Бусель будучи изгнанъ изъ Европы, отлетѣлъ въ Азїю, и тамъ передъ Царемъ птицъ на Европу жаловался, что не взирая на его вѣрныя услуги и благодѣянїя, въ томъ разсужденїи, что онъ тамошнею землю очищалъ отъ ужей и отъ великаго множества вредныхъ жабъ, несправедливо его изгнала изъ своего отечества. Царь Азїатскихъ птицъ выслушавъ его

жалобу, допрашивалъ слѣдующимъ образомъ: скажи мнѣ правду, Бусель, говорилъ Царь, по какой причинѣ Европа тебя выгнала изъ своей земли? Тогда такъ Бусель отвѣчалъ оному Царю: Вы знаете, Государь, что я ѣмъ всякую гадину, и что по сей причинѣ въ Европѣ говорятъ, будто и мясо мое за тѣмъ ни къ чему негодно. Правда, отвѣчалъ Царь; ибо кто ядомъ питается, того мясо ѣсть опасно. Притомъ скажи мнѣ, Бусель, продолжалъ птичей Царь, что ты здѣсь ѣсть намѣренъ? То же, что я ѣлъ въ Европѣ, отвѣчалъ Бусель; ибо природа моя не можетъ здѣсь перемѣниться. Скажи мнѣ еще, повторилъ Царь, принесъ ли ты съ собою свой желудокъ? конечно, отвѣчалъ Бусель; безъ него бы я жить не могъ. Ну, мой другъ, сказалъ птичей Царь,

когда ты и здѣсь тѣхъ же змѣй и жабъ будешь ѣсть, которыхъ кушалъ въ Европѣ, и еспьли прежнїй желудокъ твой съ тобою, то и нашихъ домовъ кровли загадишь. Ступай же и отъ насъ прочь. Тогда Бусель полетѣлъ въ Африканскую степь, гдѣ никакихъ домостроенїй нѣтъ, и такъ нынѣ того рода птицъ великое множество.

Кто безразсуденъ и злонравенъ въ своемъ отечествѣ, того никакое мѣсто умнымъ и добродѣтельнымъ несдѣлаетъ.

ПАСТУХЪ и СОБАКИ.

Нѣкоторой деревенской мужикъ, имѣя двоихъ щенковъ, и желая, чтобъ они выросши были злы и охраняли его домъ отъ воровъ; правилъ оными чужихъ поросятъ, ягнятъ и прочей домовой скотъ, къ чему

тѣ щенки такъ привыкли, что выросши многихъ сосѣднихъ овецъ и поросятъ заѣдали. Наконецъ деревенскïе жители сего мужика избрали пастухомъ, и онъ для сохраненïя своего стада отъ волковъ, взялъ съ собою своихъ собакъ, кои въ тотъ самой день, въ которой ихъ хозяинъ погналъ стадо въ поле, много овецъ задавили, какъ только онъ легъ спать. Пастухъ проснувшись увидѣлъ свое нещастïе, и хотѣлъ обѣихъ собакъ убить; но другïе пастухи, которые ему добра не желали, не допустили его до того, говоря: что тебѣ за прибыль изъ того, что своихъ собакъ убьешь? Вить тѣмъ подавленныхъ твоихъ овецъ не оживотворишь, а между тѣмъ и собакъ потеряешь, и ежели отъ пастьы тебѣ откажутъ, то нѣкому будешъ дому твоего отъ во-

ровъ остерегать. Пастухъ почитая тѣхъ хитрецовъ за друзей, былъ доволенъ ихъ предложенїемъ, и только выколотилъ дубиною своихъ собакъ. Пасучи стадо уснулъ онъ и въ другой разъ; тогда собаки вдвое больше овецъ подавили. Какъ пастухъ проснулся; то не зналъ самъ, что дѣлать. Будучи же не въ состоянїи жителямъ заплатить за всѣхъ тѣхъ овечекъ, которыхъ его собаки заѣли, бросился съ ярости съ посохомъ на своихъ собакъ, но тѣ заѣдая овецъ такъ разъярились, что бросились и на хозяина, и загрызли бы его, естьли бы другїе добрые пастухи его отъ нихъ не оборонили.

Зло съ самаго начала искоренить надобно.

ФИГЛЯРЪ и ПРОФЕССОРЪ.

Профессоръ прогуливаясь въ саду, увидѣлъ фигляра въ богатомъ платьѣ, за которымъ шло множество мущинъ и женщинъ. Профессоръ почитая его за знатнаго вельможу, отступилъ нѣсколько, чтобъ сему господину свободно было по аллеи пройти съ его свитою, за что ему фигляръ до самой земли поклонился, и просилъ, чтобъ пожаловалъ къ нему. Профессоръ, почитая сего кавалера за весьма учтиваго, за нимъ послѣдовалъ. И какъ ученые люди по большой части много о себѣ думаютъ, то онъ идучи за фигляромъ, такъ разсуждалъ: конечно сей кавалеръ ученъ, что меня къ себѣ позвалъ; знать онъ хочетъ со мною о важныхъ матеріяхъ разговаривать. Да... продолжалъ думать Профессоръ: конечно

онъ узналъ, что я ученой человѣкъ, и для того со мною познакомиться намѣренъ. Наконецъ прибылъ фигляръ въ свой домъ, и принялъ господина Профессора очень учтиво. Послѣ сего пріѣхало къ фигляру много знатныхъ людей, въ которыхъ прежде имѣя нужду Профессоръ, ни коимъ образомъ къ нимъ не могъ доступить, и они въ фиглярскомъ домѣ на него не смотрѣли. Напротивъ того всѣ съ фигляромъ очень учтиво и благосклонно разговаривали. Послѣ сего вышла къ нимъ фигляроза жена, которая принесла съ собою разныя куклы. Она была лицемъ очень хороша, и всѣ знатные господа весьма низко ей поклонились; иной называлъ ее прекрасною госпожею, другой прелестною дѣвицею, хотя она и о времени томъ, когда была дѣвицею, давно позабыла.

СѢхалось въ фигляровъ домъ столь много знатныхъ господъ, что Профессоръ едва себѣ сыскалъ мѣсто у самыхъ дверей. фигляршa начала вертѣть машиною, и куклы по столу скакали. Всѣ такому дѣлу удивлялись и хвалили куколъ, хотя имъ больше фигляршa нежели куклы нравились. По томъ фигляръ собиралъ въ серебренной тазъ деньги отъ всѣмъ; наконецъ подошелъ и къ господину Профессору, который не очень былъ радъ такому угощенїю, однако принужденъ былъ положить послѣднїй полтинникъ, которой у него былъ въ карманѣ, и возвратиться по томъ домой съ огорченїемъ, что фигляpство гораздо въ большей чести, нежели науки, и что онъ къ тѣмъ господамъ и доступить не могъ, кои сами къ фигляру пріѣзжаютъ, и фигляръ

въ нѣсколько минутъ получаетъ множество отъ нихъ денегъ за представленіе дурачествъ.

Ученость непросвѣщенная политикою и обхожденіемъ съ разумными людьми, часто уподобляется глупости.

ЛОШАДЬ и БОРЕЦЪ.

Борецъ прославившись разными подвигами, наконецъ былъ возненавидѣнъ своими согражданами и сосланъ въ заточеніе, по той причинѣ, что они опасались, чтобъ всѣхъ преодолѣвшій борецъ и съ ними сорошься не похотѣлъ. Сей нещастной идучи чрезъ густой лѣсъ увидѣлъ въ ономъ весьма худую лошадь и подошедъ къ ней спросилъ: для чего ты въ толь опасномъ мѣстѣ бродишь? Не збѣжала ли ты отъ своего хо-

зяина? На что такъ ему отвѣчала лошадь: не по своей охотѣ я здѣсь пасусь; не благодарной хозяинъ, какъ я была молода и его на своей спинѣ носила, меня кормилъ, а какъ я состарѣлась, то позабывъ о моихъ прежнихъ услугахъ, велѣлъ меня прогнать въ лѣсъ, и оставить звѣрямъ на съѣденїе. Видишь, мой другъ, продолжала лошадь, какъ свѣтъ воздаетъ за добро. Тогда покивавъ головою борецъ, такъ говорилъ лошади: я больше тебя причины имѣю жаловаться на свѣтъ; тебя по крайней мѣрѣ въ то время хозяинъ выгналъ изъ конюшни, какъ ты уже ему ни къ чему не годилась; но меня въ то время сограждане мои изгнали изъ отечества, когда я больше прежняго могъ имъ добро дѣлать, и хотя я не мало своими побѣдами принесъ

отечеству славы, однако въ награду за то принужденъ по лѣсамъ скитаться и искать своего жребія; но естьли хочешь, продолжалъ борецъ, то я тебѣ добро сдѣлаю и стану кормить. Куда же ты меня поведешь? спросила его лошадь: я на тебя сяду, сказалъ борецъ, и буду искать мѣста, при томъ всегда буду тебя кормить два раза въ день и поить заблаговременно. Такая твоя милость, отвѣчала лошадь, будетъ тебѣ больше полезна, нежели мнѣ, и ты для того лучше будешь меня кормить, чтобъ далѣе доѣхать и не итти пѣшкомъ; но естьли бы я могла тебѣ служить, то бы лучше носила своего хозяина на спинѣ, которой ростомъ меньше тебя, и думаю не столько тяжелъ, сколько ты; но та моя бѣда, что у меня нѣтъ больше силы.

И такъ она разсталась съ борцемъ.

Теперь очень трудно такого благодѣтеля сыскать, которой бы помогъ бѣдному безъ всякаго интереса.

МУЛЪ и ОСЕЛЪ
или говорливый безумецъ.

Мулъ увидя осла къ себѣ приближившагося, отогналъ его отъ себя прочь, и называлъ его грубіаномъ и учтивости незнающею скотиною. Тогда удалясь отъ него оселъ, такъ отвѣтствовалъ: не прогнѣвайтеся, господинъ Мулъ, что я не нарочно вамъ причинилъ досаду; ибо не зналъ, что дѣти ослovы выросши выше своихъ родителей, оныхъ презираютъ. При томъ въ первой разъ слышу, чтобъ сынъ хвастался благородствомъ своей матери, ко-

гда она была замужемъ за ослом.

Многихъ щастїе приводитъ до того, что позабываютъ о прежнемъ своемъ состоянїи и презираютъ тѣхъ, кои имъ даровали жизнь.

УКСУСЪ и БУТЫЛКА.

Уксусъ будучи крѣпко пробкою запкнутъ, началъ бродить и шумѣть; наконецъ бутылка лопнула, и уксусъ по землѣ разлился. Тогда муха начала оной пить. Уксукъ увидя свое нещастїе, вскричалъ: о немилосердая! я и такъ нещастливъ, а ты мнѣ еще больше вредишь. На что ему отвѣчала муха: кто тебѣ велѣлъ быть толь крѣпкимъ? Естьли бы ты былъ посмирнѣе, тобы своей бутылки не разбилъ, и по землѣбъ не валялся, Но теперь самъ ты

ному виноватъ, что тебя и мухи пьютъ.

Неумѣренная храбрость самой себѣ вредна.

ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ и БРОДЯГА.

Земледѣлецъ смоловши свою пшеницу, оставилъ оную на дворѣ, чтобъ чрезъ ночь просохла; а бродяга не имѣющій своего дому, и въ то время случившійся въ оной деревнѣ, пришелъ ночью на его дворъ, и большую половину пшеницы всыпавъ въ мѣшокъ, отнесъ оную въ свою коморку. По томъ пошелъ взять и остатокъ пшеницы. Тогда земледѣлецъ проснулся, и увидя въ окошко бродягу, выскочилъ къ нему, говоря: за чемъ ты чужое берешь? вѣдь я не для тебя сію пшеницу посѣялъ. Тогда принявъ на себя скромной видъ, отвѣчалъ бро-

дяга: послушай, любезной земледѣлецъ; мы трудимся для другихъ. Натура почти всему опредѣлила быть не для себя. Овцы носятъ шерсть для другихъ; волъ и лошадь пашутъ землю не для себя ; пчелы изъ составленнаго ими меду мало пользы имѣютъ; курицы выводятъ цыплятъ для другихъ: и такъ для чего тебѣ удивляться, что и ты вчерашняго дня смолотилъ пшеницу не для себя. Тогда сказалъ ему земледѣлецъ: правда, что ты очень краснорѣчивъ, но превеликой плутъ. Мы, продолжалъ мужикъ, воровскихъ нравоученій не слушаемъ; насъ надобно примѣромъ доброй и порядочной жизни научать, а не краснорѣчіемъ. Выговоривъ сіе схватилъ дубину, и началъ колотить бродягу по бокамъ, говоря: когда ты умѣешь такъ хорошо проповѣдывать, за чѣмъ

же ты самъ крадешь? По томъ вздувши бока принудилъ его, чтобъ сказалъ, куда дѣвалъ пшеницу. Воръ увидя, что дубина одержала побѣду надъ краснорѣчіемъ, отдалъ ему пшеницу со стыдомъ.

Воръ и мудрецъ все почитаютъ за общественное, однако сіе ни одному изъ нихъ непомогаетъ; одинъ почитая все за свое, ничего самъ не имѣетъ; а другаго обыкновенно вѣшаютъ или кнутомъ сѣкутъ.

ЦУГОВАЯ ЛОШАДЬ и СОБАКА.

Дворовая собака пришедъ въ конюшню легла на посланной для лошади соломѣ, что увидя лошадь согнала ее съ своего мѣста, говоря: знай свою конуру, а сюда не ходи. Естьлибъ ты была лошадь, то могла бы имѣть такое великолѣпное жи-

лище, какое имѣю я. На что такъ отвѣчала собака: при всемъ томъ я бы не хотѣла быть лошадью. Для того, сказала лошадь, что у тебя ума нѣтъ. Знаешь ли глупая, что значитъ быть конемъ? или не видишь какъ меня наряжаютъ повседневно въ позлащенные шоры? Всякой день конюхи меня моютъ, и пылинкѣ не даютъ пасть на мою шерсть, но тотчасъ оную сметаютъ; а ты во всю жизнь свою живешь на улицѣ. Дождь тебя мочитъ, отъ стужи околѣваешь, и голодъ терпишь. Напротивъ того я два раза въ день ѣмъ овесъ; весь день сѣно передо мною лежитъ. Я все то знаю, отвѣчала собака; однако извѣстны мнѣ и твои труды, которымъ я не подвержена. Тебя часто не по твоей силѣ отягощаютъ. Хозяина, лакеевъ и кучера почти

вовседневно тебѣ тащить надлежитъ, а когда не много отдохнуть похочешь, то тебя позлащенными шорами украшенную госпожу бьютъ по бедрамъ до крови; а отъ форейтера, и бока у тебя шпорами ободраны. Вотъ каково хорошо быть при знатномъ господинѣ или при его дворѣ. Напротивъ того я ничего тому подобнаго не претерпѣваю; меня никто напрасно и щелчкомъ не ударитъ; а тебя всегда бьютъ и шпорами колютъ. Естьли ты очень ретива, то ротъ тебѣ уздою раздираютъ; а естьли идешъ лѣниво, то бичемъ тебя понуждаютъ; и такъ гораздо я спокойнѣйшую имѣю жизнь въ моей простотѣ, нежели ты въ твоемъ великолѣпіи, и чѣмъ далѣе я отъ моего хозяина, тѣмъ меньше мнѣ опасности.

Чѣмъ далѣе отъ Юпитера, тѣмъ далѣе отъ его грому.

ЩАСТІЕ и РАЗУМЪ.

Щастїе будучи не довольно строгимъ правленїемъ разума, поссорилось съ онымъ, и они одинъ на другаго жаловались богатому и разумному мѣщанину, которой ими владѣлъ. Ты самъ знаешь, почтенной мужъ, говорило ему щастїе, что мною ты благополученъ. Я богатства твои умножаю; по мнѣ знаютъ тебя знатныя люди и любятъ пріятели; естьли же я тебѣ не противно, и хочешь чтобъ всегда съ тобою не разлучно пребывало, то выгони отъ себя разумъ, которой мнѣ великой непріятель. Напротивъ того разумъ ничего не говорилъ въ свою похвалу; ибо онъ хвастовства не любитъ, а только просилъ мѣщанина, чтобъ онъ того изъ нихъ при себѣ оставилъ, кто ему нужнѣе. Сей знатной мѣщанинъ долгое время думалъ,

и не могъ рѣшиться, котораго изъ тѣхъ двухъ просителей при себѣ оставить. Щастїе видя, что мѣщанинъ ему не отвѣтствуетъ, такъ продолжало свою рѣчь: ты мнѣ ничего не отвѣтствуешь; посему не думаешь ли меня отъ себя отпустить? Изрядно, продолжало щастїе, я отъ тебя отойду; но помни мое слово, что чрезъ всю жизнь свою будешь меня искать, но никогда не сыщешь. Коль скоро я отъ тебя отойду, то бѣдствїе тебя окружитъ, скотъ твой падетъ, дѣти помрутъ, богатство погибнетъ и слава твоя вовсе изчезнетъ. Немощь и непрїятели тебя будутъ отягощать, и ты будешь проклинать тотъ день, въ которой со мною растался. Такїя представленїя устрашили мѣщанина, и онъ просилъ щастїе, чтобъ при немъ осталось,

я отпустилъ отъ себя разумъ, которой зная, что вездѣ сыщетъ мѣсто, ни мало не печалился и отошелъ отъ мѣщанина.

По отлученїи разума щастїе съ мѣщаниномъ начало торжествовать свою побѣду. Онъ нѣсколько недѣль пировалъ въ угожденїе щастїю, которое роскошь и праздность любитъ. Наконецъ мѣщанинъ впалъ въ великїе безпорядки лишившись разума. Родственники его увидя, что онъ сошелъ съ ума, отняли у него все имѣнїе, и отослали его въ деревню, приказавъ его своему управителю только кормить, и никакихъ доходовъ ему не давать. Щастїе видя, что учинило сего человѣка бѣднымъ, не преминуло наградить его утрату. Прогуливаясь по лѣсу, нашелъ онъ большой брилїянтъ, но не

зная къ чему его употребить, обшилъ его парусиною и сдѣлалъ пуговицу. Послѣ ему вздумалось пахать землю. Щастїе разсуждая, что и толь драгоцѣннымъ брилїянтомъ не могло ему услужить, произвело, что онъ паша землю выкопалъ изъ оной большой кусокъ золота. Тогда сей лишенной разума человѣкъ, почитая оной металлъ за негодной камень свалилъ его съ своей пашни на чужую, чтобъ ему пахать не мѣшалъ, а послѣ того и сошникъ сломалъ, не умѣя пахать, и разсердясь пошелъ домой съ поля.

Тогда щастїе начало раскаиваться, что выжило отъ мѣщанина разумъ; ибо онъ въ то время не имѣя онаго, не позналъ своего благополучїя, однако еще оно надѣялось, что мѣщанинъ имъ будетъ доволенъ. И такъ возбудило въ немъ жала-

нїе, чтобъ оставя свою землю отправиться въ Африку, гдѣ сумасшедшихъ почитаютъ за Пророковъ. Вдохновенїю щастїя не сопротивлялся мѣщанинъ, и немедлѣнно отправился въ Африку. Щастїе привело его въ столичной городъ, въ которомъ Африканской Царь имѣлъ свое пребыванїе.

Лишь только увидѣли Африканцы на площади шатающагося безумнаго, то спросили его: откуда онъ пріѣхалъ? но сей сумасшедшїй, не разумѣя ихъ языка, не отвѣчалъ на ихъ вопросъ, и началъ кричать. Они почли его за своего угодника, и начали цѣловать руки и края платья его, прося, чтобъ онъ молился за нихъ Магомету.

Больше всего въ семъ городѣ услугъ оказало ему щастїе, и сей безумецъ отъ частаго обхожденїя съ обожающими его

Африканцами началъ изрядно разумѣть ихъ языкъ. Наконецъ носящійся повсюду слухъ о прибытіи святаго въ Африку, дошелъ и до Царскихъ ушей. Царь узнавъ, что въ его городѣ находится Пророкъ, велѣлъ его просить къ себѣ на обѣдъ. Щастіе повело его въ Царскіе чертоги, и онъ обѣдалъ съ Царемъ. Онъ былъ лицемъ весьма пригожъ, и щастіе учредило такъ, что Царская дочь сильно въ него влюбилась. Царь за столомъ мнимаго своего Пророка спрашивалъ о разныхъ вещахъ, но безумецъ отвѣтствовалъ всегда не къ спатѣ; а Царь его не разумѣя, думалъ что онъ говоритъ притчами.

Послѣ обѣда отвело его щастіе въ свою храмину, и желая его вознесть на самую вышнюю степень благополучія, нашло ему хитраго товарища,

посредствомъ котораго хотѣло его сдѣлать первымъ человѣкомъ въ Мароккѣ. При томъ и оному его товарищу обѣщало великое благополучїе. И такъ хитрые люди по большой части опаснымъ путемъ къ благополучїю стремятся, то сей хитрецъ вздумалъ быть толмачемъ сего мнимаго Пророка, и вездѣ съ нимъ ходить до тѣхъ поръ, пока не сыщетъ своего благополучїя.

Между тѣмъ Царская дочь не могши утаить своей страсти, которая въ ней жестоко усилилась, увѣдомила своего родителя о пламенной ея любви къ Пророку. Царь думая, что такую любовь почувствовала дочь его по вдохновенїю Магометову, которой всѣхъ ихъ Пророковъ былъ покровителемъ; обнадежилъ свою дочь, что выдастъ ее за мнимаго угодника.

Потомъ послалъ къ Пророку съ увѣдомленїемъ о своемъ намѣренїи. Товарищъ его услыша такую вѣсть, говорилъ съ учтивостїю и важностїю, что Пророкъ говоритъ тѣмъ языкомъ, на которомъ говорятъ угодники въ Магометовомъ раю, и только ему одному мысли свои сообщаетъ. По томъ взявъ за руку безумнаго, отвелъ его въ сторону, и шепталъ ему на ухо; а послѣ того приложилъ свое ухо къ его рту, и будто что нибудь отъ него услыша, сказалъ, что Пророкъ на Царской дочери женится намѣренъ, и его избралъ своимъ сватомъ.

Какъ они пришли къ Царю, то толмачъ именемъ своего Пророка возблагодарилъ Царя за его къ толь возлюбленной Магометомъ особѣ милость и любовь, и объявилъ ему, что

Пророкъ избралъ его своимъ сватомъ. Тогда Царь велѣлъ дѣлать пріуготовленія къ свадьбѣ. И какъ въ Африкѣ не можетъ женихъ прежде совершенія брака разговаривать съ своею невѣстою, ниже оной видѣть, то толмачу удалось у Царя пріобрѣсти великую довѣренность такъ, что и его за полупророка въ Африкѣ почитать стали.

Наконецъ день свадьбы приближился, и Пророка шастіе съ его толмачемъ повело къ дверямъ невѣсты, и по тамошнему обыкновенію его обвѣнчало. Во время сего онаго обряда угодникъ спалъ; ибо лукавой его товарищъ далъ ему чрезъ трубку покурить такой травы, отъ которой онъ сдѣлался почти безъ чувства. Всѣ думали, что во время вѣнчанія онъ былъ восхищенъ духомъ въ

Магометовъ рай, и что и тамъ его свадьба была торжествована; а толмачъ такое ихъ мнѣнїе утверждалъ, прилагая, что святой во всемъ на него положился, и избралъ его свидѣтелемъ своей свадьбы.

По томъ повели безумнаго въ Царевнину спальню по тамошнему обыкновенїю, а пиръ начался. Толмача Пророкова по его прошенїю впустили въ комнату передъ спальнею; ибо онъ сказалъ Царю, что естьли что нибудь Пророку понадобится, то никто его разумѣть не будетъ. Царь почитая его за честнаго человѣка, дозволилъ ему быть при Пророкѣ; и такъ сей лукавецъ выслалъ всѣхъ отъ Царевны, и сѣлъ у дверей спальни, примѣчая, что будетъ дѣлать безумецъ.

Мнимой Африканской Пророкъ сѣлъ на софу, и не смо-

трѣлъ на Царевну, которая раздѣвалась. Наконецъ подошедъ къ нему Царевна, нѣжнѣйшимъ образомъ свою любовь изъяснила, а потомъ обнявъ его за шею, крѣпко прижала къ своей груди. Безумецъ думая, что она его задавить хочетъ, вскричалъ: бѣда! Тогда вбѣжалъ къ нимъ толмачь, и сказалъ Царевнѣ, что еще не время Пророку съ нею разговаривать. По томъ приставилъ свое ухо къ Пророкову рту, и будто отъ него что нибудь услышалъ, кивнувъ головою, и сказалъ Царевнѣ, что Пророкъ приказалъ ей ложиться, и ему велѣлъ погасить свѣчи. Лукавой толмачь по видимому хотѣлъ быть намѣстникомъ Пророковымъ; однако Царевна велѣла ему выйти вонъ, говоря, что она сама погаситъ свѣчи, и какъ сей хитрецъ вышелъ, то она заперла спальню,

и начавъ лобызать своего супруга, отъ сильной горячести, укусила его крѣпко въ лице. Тогда Пророкъ оттолкнулъ ее отъ себя, и началъ кричать какъ бѣшеной. Царевна въ то время, какъ ее Пророкъ толкнулъ, упала на землю, и очень ушиблась, отъ чего и она равнымъ образомъ закричала. На сей крикъ чрезъ другїе двери, которые были изъ спальни въ ея уборную, прибѣжали Царскїе служители, а другїе поймали у дверей зала толмача, которой съ трепетомъ бѣжалъ вонъ. Тогда всѣ узнали, что ихъ угодникъ былъ сумасшедшїй, а его толмачь великой плутъ, которой во всемъ имъ признался. Между тѣмъ щастїе убѣжало отъ безумнаго, видя, что ему никакъ пособить неможно; и такъ Пророка посадили въ домъ безумныхъ, а

толмача его приказалъ Царь повѣсить.

Щастїе не поможетъ, когда ума нѣтъ.

ТРУДЪ и КРИТИКА.

Критика по натурѣ своей ненавидя труда, вездѣ его ругала. Трудъ долгое время сносилъ терпѣливо всѣ ея укоризны, а наконецъ она начала вредить его честь. Трудъ немогши снести такихъ ругательствъ, равнымъ образомъ отвѣчалъ Критикѣ. Тогда она бѣситься начала и пошла на него съ жалобою къ Минервѣ, чтобъ наказала Трудъ за продерзость. Минерва сїе дѣло велѣла разсмотрѣть Улиссу, который призвавъ трудъ допрашивалъ, по какой причинѣ онъ обидѣлъ то спожу Критику. Я ее, мило сливый государь, отвѣчалъ

трудъ, ни чемъ не обидѣлъ; напротивъ того она не только меня, но и всѣхъ трудящихся обижаетъ. Тогда перервавъ его рѣчь, говорила Критика: мнѣ знатной госпожѣ все дозволяется, а тебѣ нѣтъ; я все въ свѣтѣ знаю, слѣдовательно мнѣ вольно обо всемъ разсуждать. Это правда, говорилъ трудъ, что всякому разсуждать вольно, но надобно, чтобъ разсужденїе было справедливо; ты же напротивъ того, продолжалъ трудъ, ни о чемъ справедливо не разсуждаешь, а только ругаешь всѣхъ трудящихся, тщеславясь сама собою; но сколько ты ни дерзка, и сколько ни хвастаешся предъ народомъ, однако повѣрь, дорогая, что никто тебя за разумную не почитаетъ, и всѣ тебѣ за глаза смѣются; ибо явно передъ тобою того не дѣлаютъ изъ одного сожалѣнїя,

чтобъ ты не взбѣсилась. Смѣешь ли такъ мнѣ говорить? разсердясь сказала критика; меня весь свѣтъ знаетъ. Этому я повѣрю, отвѣчалъ трудъ; только два рода есть знанїя. Свѣтъ знаетъ о Александрѣ и о Геростратѣ, но различнымъ образомъ. Я съ тобою не пришла сюда спорить, сказала критика, и только хочу обличить тебя въ твоей винѣ; ты сказалъ, продолжала критика, что я всѣхъ ругаю. Это не правда: я прославляю Государя, Мецената и многихъ иныхъ; и такъ самъ признайся, что ты сказалъ не правду, и что я весьма полезна. Тѣмъ ты не можешь, отвѣчалъ трудъ, доказать свою добродѣтель; ибо естьли бы ты осмѣлилась возстать противу своего Государя, то бы тебя на вѣки нѣмою сдѣлали; вельможъ также бо-

ишся; но я смѣло сказать могу, что ты инако объ нихъ думаешь, нежели говоришь: и такъ не досадуй на меня, что я то отбросилъ, чѣмъ ты въ меня бросила; думай о себѣ, какъ хочешь; однако время покажетъ, что трудъ полезнѣе обществу, нежели критика; да и теперь всякъ знаетъ, что критика ничто иное, какъ плодъ зависти, и она всему тому завидуетъ, чего сама сдѣлать не можетъ.

Лѣность великой непрїятель труда.

ЛѢСТНИЦА и СКАМЕЙКА.

Лѣстница хвасталась передъ скамейкою, что она гораздо выше, нежели скамейка. Я досягаю, говорила лѣстница, до самаго верьху строенїя; напротивъ того ты только одну свою горницу знаешь. На что такъ отвѣчала скамейка: гора-

здо лучше сидѣть на мнѣ безъ всякой опасности, нежели быть на самой вышней твоей степени, и съ часу на часъ ожидать паденія. Такъ только трусы разсуждаютъ, повторила лѣстница; кто осторожно по моимъ степенямъ ходитъ, тотъ ничего не опасается. Наконецъ случилось хозяйскому слугѣ слетѣть съ лѣстницы и переломить ногу. Скамейка выбѣжавъ на его крикъ, весьма о немъ сожалѣла, и говорила лѣстницѣ видишь, какъ по твоимъ ступенямъ ходить опасно. Мнѣ никогда вреда нѣтъ, отвѣчала лѣстница: когда кто съ меня слетитъ, то онъ нещастливъ, а не я. Сыщется такой, кто на мои ступени полѣзетъ, да и тотъ самой, которой теперь упалъ, не преминетъ еще всходить на мою высоту, когда нужда того потребуетъ. Ска-

мейка видя, что лѣстницу переспорить не можно, пошла въ свою горницу.

Толь пріятно человѣку достоинство, что хотя паденіе претерпитъ, однако употребляетъ всѣ способы, чтобъ паки на самой верьхъ онаго возвыситься.

ВЕРБЛЮДЪ и САТИРЪ.

Верблюдъ проходилъ изъ одной земли въ другую, котораго увидя малорослой Сатиръ, туда же итти намѣреніе имѣвшій, куда шелъ и верблюдъ, подошелъ къ нему, и удивлялся его величинѣ. Ты, государь мой, говорилъ Сатиръ достоинъ быть первымъ Юпитеровымъ Министромъ; ибо онъ только одинъ имѣетъ видъ величественнѣе твоего. Красота твоя и великія качества всему свѣту удивительны, такъ что оной

не можетъ довольно надивиться твоимъ добродѣтелямъ. На плечахъ твоихъ выросшая пирамида, есть достопамятный монументъ твоихъ геройскихъ дѣлъ. Но то мнѣ больше всего непонятно, продолжалъ Сатиръ, что такой герой шествуетъ одинъ безъ товарища, безъ слугъ и безъ надлежащей его достоинству свиты. Положимъ, что ты, милостивый государь, имѣешь философскія мысли; однако и философы имѣютъ при себѣ хотя одного товарища, или ученика, или по крайней мѣрѣ слугу, чтобъ можно кого по себѣ оставить великаго своего знанія либо наслѣдникомъ либо свидѣтелемъ. Верблюду такъ, какъ и прочимъ звѣрямъ, ласкательство пріятно было. Какъ скоро Сатиръ увѣрилъ верблюда о великихъ его достоинствахъ, то верблюдъ просилъ Сатира, чтобъ ему былъ товарищемъ.

Сатиръ нѣсколько стадій шелъ съ верблюдомъ, выхваляя его безпрестанно, и вознося выше небесъ; наконецъ Сатиру наскучило итти пѣшкомъ, и для того онъ говорилъ верблюду слѣдующее: милостивый государь вы очень хороши и великолѣпны; но естьли бы на вашей спинѣ шерсть была поглаже, тобъ вамъ не было равной въ свѣтѣ твари красотою. Не можно ли тому пособить, сказалъ верблюдъ? Это очень легко, отвѣчалъ Сатиръ; надобно на васъ сидѣть и нѣсколько дней ѣздить. Хорошо, сказалъ верблюдъ; садись на меня, и начинай поскорѣе украшать мою спину. Тогда верблюдъ сталъ на колѣни, и Сатиръ тотчасъ сѣлъ на него; потомъ просилъ верблюда, чтобъ продолжалъ свой путь, сказывая, что не мало времени требуетъ,

чтобъ украсить его спину. Верблюдъ не зная хитрости Сатировой, шелъ безпрестанно, а Сатиръ сидѣлъ на немъ спокойно. Наконецъ случилось верблюду итти чрезъ болотистое мѣсто, по которому не легко было нести на себѣ Сатира; чего ради говорилъ ему верблюдъ, чтобъ съ него слѣзъ долой; но Сатиръ ему отвѣтствовалъ, что еще не довольно угладилъ его спину. Верблюдъ не могши больше терпѣть на себѣ Сатира, говорилъ ему: слезь долой, я тебѣ говорю; что мнѣ въ красотѣ, когда отъ нее происходитъ несносная досада. Нѣтъ, милостивый государь, сказалъ Сатиръ я очень много вами одолженъ, и немогу снести, чтобъ моя услуга была не совершенна: извольте продолжать свое шествіе. Тогда узналъ верблюдъ, что Сатиръ

великой плутъ, и что онъ о своей, а не о его пользѣ старается, но не зная, какъ тому пособить, вознамѣрился его нести далѣе, и показывалъ видъ неразумѣющаго его хитрости. Напрасно я ему буду угрожать; размышлялъ самъ въ себѣ верблюдъ; ибо я поднялъ уже его сноль высоко, что онъ кажется выше меня, а хотя и отважусь самъ лечь на землю, чтобъ его съ себя сбросить, но только самъ въ грязи замараюсь, а онъ всегда будетъ сидѣть на мнѣ; естьли же я захочу встать отъ земли, то онъ опять вскочитъ на мою спину. Въ такомъ размышленіи продолжалъ верблюдъ свой путь, а Сапиръ всегда на немъ сидѣлъ.

Хитрой ласкатель повелителемъ своимъ повелѣваетъ.

ЕГИПЕТСКАЯ СТАРУХА и ЧУЖЕСТРАНЕЦЪ.

Египетская старуха идучи по улицѣ выла весьма жалкимъ голосомъ, по томъ вдругъ захохотала и смѣялась до слезъ, что примѣтя чужестранецъ, говорилъ ей: какъ ты можешь старуха вдругъ плакать и смѣяться? Конечно ты чужестранной человѣкъ отвѣчала старуха, что здѣшнихъ обыкновенїй не знаешь? ты угадала старушка, сказалъ чужестранецъ; я не давно въ здѣшнїй городъ прибылъ. Я тебѣ открою тому причину, чему ты удивляешся, сказала старуха; здѣсь когда кто умретъ, то родственники его намъ платятъ, чтобъ мы о покойникѣ плакали; ибо они сами той должности отправлять не могутъ, радуясь, что онъ имъ оставилъ великїя с

кровища; а какъ дѣвка выходитъ замужъ, то родители ея нанимаютъ насъ же, чтобъ мы въ знакъ веселости хохотали; ибо они сами не могутъ радоваться, отдавъ за нею большое приданое. Сего дни одинъ человѣкъ умеръ, и одна дѣвица вышла за мужъ, и я какъ отъ перваго родственника такъ и отъ родителей послѣднія получила деньги, чтобъ отправлять ихъ должность. На сей улицѣ, на которой ты со мною встрѣтился, живетъ и сынъ покойниковъ, и отецъ молодой, и я для того рыдаю и смѣюся, чтобъ они видѣли, что я ненапрасно отъ нихъ деньги получила. Тогда такъ ей сказалъ иностранецъ: мнѣ кажется не возможнымъ дѣломъ, вдругъ плакать и смѣяться? У насъ, отвѣчала старуха, за деньги все возможно. Выговоривъ сіе,

по прежнему отправляла свою должность. Отъ того произошло, что и въ иныхъ мѣстахъ за деньги человѣкъ и плачетъ и смѣется; ибо деньги изъ виноватаго дѣлаютъ правымъ, а изъ праваго виноватымъ, и тотъ, кому по справедливости надлежитъ плакать, отъ бѣды откупается, и послѣ смѣется; а веселящійся, нечая своей бѣды, вдругъ безвинно воетъ.

Кто богатъ, тотъ всегда правъ и за деньги сыщетъ такого, который безвинно за него пострадаетъ и по неволѣ.

О ИЗБРАНІИ СУДЬИ.

Когда у звѣрей судья умеръ, то увѣдомили они о томъ Пана, своего бога, которой созвавъ множество звѣрей, велѣлъ имъ между собою избрать судью; при томъ говорилъ имъ: что

судья долженъ имѣть слѣдующія качества: 1.) чтобъ былъ не молодъ; 2.) чтобъ имѣлъ величественной видъ, дабы подчиненные его боялись и почитали; 3.) чтобъ былъ разуменъ, постояненъ, справедливъ, и чтобъ старался о пользѣ общей. Тогда козелъ объявилъ себя первымъ кандидатомъ въ судьи, говоря: что онъ не молодъ, и доказывалъ сіе своею бородою. Слонъ просилъ Пана, чтобъ его произвелъ въ судьи, сказывая: что никто такого величественнаго виду не имѣетъ какъ онъ: лисица сказала, что она умнѣе всѣхъ. Желвъ представлялъ, что постоянствомъ своимъ всѣ твари превосходитъ, по тому что на всѣхъ звѣряхъ шерсть линяла, а на немъ никогда, и что спина его крѣпче всѣхъ. Волкъ говорилъ, что онъ свое право

лучше прочихъ наблюдаетъ, доказывая, что всякой день по овечкѣ изъ хлѣва выпаскиваетъ. Медвѣдь утверждалъ, что онъ лучше иныхъ звѣрей о пользѣ общей всегда старался, и волка за то наказываетъ смертію, что онъ чужихъ овечекъ изъ хлѣва таскаетъ. На сіи представленія каждому изъ нихъ такъ говорилъ Панъ: ты козелъ любишь только свой санъ, и очень спѣсивъ по тому, что у тебя длинная борода; но что въ сановитой бородѣ, когда въ головѣ ума нѣтъ? Ты же очень воняешь, и по тому всякой отъ тебя бѣгать станетъ. А ты слонъ чрезмѣрно великъ; на содержаніе твое очень много надобно, и естьли тебѣ опредѣлить только обыкновенную пищу, то ты общество разорять станешь, да и бѣдные твари къ такому большому

звѣрю, какъ ты, приступишь не осмѣлятся. Ты лисица, продолжалъ Панъ, очень хитра и справедливости въ тебѣ нѣтъ. Тогда перебивъ Панову рѣчь, сказала лисица. Я, милостивой Государь, была уже нѣсколько лѣтъ секретаремъ, и теперь могу быть судьею. По той причинѣ, повторилъ Панъ, у всѣхъ нашихъ жителей не стало ни куриць ни инаго рода птицъ, что такой лукавой звѣрь, какъ ты, былъ въ обществѣ секретаремъ. А ты желвь, очень лѣнивъ и много имѣешь на себѣ тягости; почему рѣдко будешь присутствовать въ собранїи; притомъ постоянность не вовнѣшности заключается; надобно, чтобъ внутренняя добродѣтель не перемѣнялась, а не наружность. Ты волкъ, зная свое право, то есть чужихъ овечекъ прибирать, знай же и

слѣдствїе онаго, что и тебя потащатъ, и что хищнику и злодѣю судьею быть не прилично. Ты же медвѣдь, продолжалъ Панъ свою рѣчь, подъ видомъ наказанїя преступниковъ, самъ больше всѣхъ разоряешь общество. Ты едва одного волка въ годъ растерзаешь, а инныхъ безвинныхъ и меньше волка тварей, съѣшь въ мѣсяцъ премножество. Надобно, чтобъ вышеупомянутые качества всѣ были въ одномъ звѣрѣ, а не особливыя въ каждомъ. Тогда перервавъ его рѣчь, сказалъ заецъ: ты никогда государь такой твари не сыщешь, которая бы всѣ тѣ качества въ себѣ имѣла, и есть-ли необходимо надобно, что бы надъ нами такой былъ судья, то потребно быть нашимъ судьею самому Пану, тогда мы бѣдные зайцы будемъ жить въ норахъ нашихъ спокойнѣе. Панъ

разсудя, что заецъ говорилъ правду, самъ началъ судить всѣ дѣла звѣрей и общество весьма было щастливо.

Щастливое то общество, которымъ самъ государь, не полагаясь на судей различныхъ нравовъ, управляетъ.

ЗАЕЦЪ и ОЛЕНЬ.

Олень познакомясь съ зайцомъ, шли лѣсомъ по небольшой тропинкѣ; наконецъ, зашли въ такую чащу, въ коей множество древесныхъ вѣтвей перепутавшись одна съ другою сплелись, такъ что оленю высокїе рога свободно пройти препятствовали. На сїе онъ сильно досадуя, говорилъ зайцу слѣдующее: какъ мы пройдемъ по оной не проходимой и неминуемой стезѣ, когда весьма густой и частой лѣсъ, дорогу,

которою намъ итти надлежитъ, такъ занялъ, что мнѣ съ высокими рогами никоимъ образомъ пройти не можно? Потомъ подумавъ нѣсколько, разбѣжался олень и хотѣлъ со всего маху чрезъ самое высокое дерево перескочить; но такъ крѣпко объ оное ударился головою, что палъ замертво на землю. Тогда бранилъ то дерево, и самъ на себя сердился, говоря: что мнѣ сдѣлалось? Я прежде выше того скакалъ, и никто меня на бѣгу остановить не могъ, а теперъ и чрезъ березу перескочить не могу. Тогда такъ ему говорилъ заецъ: я тебѣ покажу средство, которымъ мы благополучно дойдемъ къ желанному мѣсту. Выговоривъ сїе подлезъ подъ березу, и перешелъ тѣсноту, тогда говорилъ олень зайцу: ты маленькая тварь, и тебѣ легко

можно было перейти оное мѣсто. На что такъ отвѣчалъ заецъ, и ты наклонись также низко, какъ и я, то удобно перейдешь сію тѣсноту. Онъ принужденъ былъ послушать совѣту зайцева, и наклоня рога свои очень низко, перешелъ чрезъ уское мѣсто, которое занимали сплетшіеся отрасли высокихъ деревъ, и послѣ не имѣлъ уже никакой опасности, однако въ то время, какъ хотѣлъ перескочить черезъ дерево, рогъ у него переломился отъ сильнаго удару, и чаятельно оной больше не выростетъ.

Гдѣ не можешь перескочить, тамъ подлезть надобно.

ВОРЪ, СОЧИНИТЕЛЬ КНИГЪ и СУДЬЯ.

Воръ будучи пойманъ, приговоренъ былъ къ пыткѣ. Какъ

его допрашивали, гдѣ его товарищи, то повелъ онъ тѣхъ, кои его пытали, въ домъ нѣкотораго Автора, и показалъ на него, что онъ превеликой воръ; но сыщики зная достоинство обвиняемаго человѣка, больше прежняго били вора, и потащили его въ тюрьму, въ которой онъ не долго просидѣлъ; ибо въ слѣдующій день судья осудилъ его на смерть; но воръ будучи не доволенъ такимъ судомъ, перенесъ жалобу Юпитеру, предъ котораго были позваны воръ, судья и авторъ. Тогда Юпитеръ говорилъ вору: чемъ же ты докажешь, что сей славной сочинитель воръ? Его воровство не требуетъ доказательства, отвѣчалъ воръ: оно всему свѣту извѣстно: онъ похитилъ и присвоилъ себѣ труды многихъ ученыхъ людей. Я думаю, продолжалъ воръ, нѣтъ

въ свѣтѣ такого писателя, изъ котораго бы книгъ онъ чего нибудь не укралъ, и онъ только перемѣшавъ нѣсколько порядокъ въ чужомъ слогѣ краденое называлъ своимъ; а я только не много денегъ, и то по крайней нуждѣ тихонько взялъ, а къ тому жъ у одного только человѣка, да и за то меня на висѣлицу осудили. Ты не правду говоришь, отвѣчалъ Авторъ; я не краду, а только многимъ послѣдую. Это у насъ похвальнѣйшимъ дѣломъ называютъ, въ чемъ ты меня обличаешь. Разумное подражанїе есть великое дѣло во всѣхъ сочиненїяхъ. Тѣмъ то вы и щастливы, сказалъ воръ, что ваше подражанїе, то есть воровство, почитается за похвальное дѣло, а наше нѣтъ. Вить и я не самъ выдумалъ красть; крали и прежде меня многїе, и я так-

же имъ послѣдуя думаю, что первымъ подражаю. А этотъ господинъ показывая на судью, продолжалъ воръ, въ томъ же дѣлѣ упражняется, что и мы. Онъ и подражать своей братьѣ не умѣетъ, и беретъ взятки по своему, не хотя въ томъ никому послѣдовать, съ такою отмѣною отъ всѣхъ, что ежели предки его брали по 50, то онъ беретъ по 100 рублевъ. Юпитеръ такъ судилъ сїе дѣло. Я судью, говорилъ Юпитеръ, избралъ управителемъ всего народа; и естьли онъ за то другихъ наказываетъ, въ чемъ самъ больше виноватъ, то придетъ время, что онъ стократно тягчайшее за свою несправедливость претерпитъ наказанїе, нежели тѣ, которые по его опредѣленїю безвинно пострадали; а Авторъ, которой крадетъ другихъ дѣла, называя своими,

только у неразумныхъ почитается за сочинителя, а ученые, кои всѣ книги знаютъ (ибо нѣтъ такой книги, которая бы прочтена не была тѣмъ либо, другимъ) называютъ такого воромъ ученымъ; и какъ онъ своимъ воровствомъ никому не вредитъ, то и стараться о его истязанїи не кому, онъ же сверьхъ того довольно уже наказанъ, когда всѣ разумные почтутъ его за ученаго вора и невѣжу. Но твое воровство обществу вредно; и ты виною другихъ не можешь оправдаться. Выговоривъ сїе велѣлъ повѣсить вора.

Великая глупость, надѣясь на то, что много есть преступниковъ грѣшить.

ВѢКША и МУРАВЕЙ.

ВѢкша цѢлое лѣто таскала орѣхи въ свое дупло, а сама ни одного изъ нихъ не тратила, но довольствовалась плодами другихъ, когда и прочїе звѣри у нее спрашивали, для чего она имѣя много своего добра, гонялась за чужимъ, то отвѣтствовала, что свое будетъ ѣсть зимою. А какъ пришла зима, то она опять крала орѣхи изъ чужаго дупла, разсуждая, что свои годятся ей при старости. Между тѣмъ, какъ вѣкша искала себѣ корму, случилось крестьянину срубить то дерево, въ коемъ дупло ея находилось, который срубя оное на дрова, отвезъ домой. Вѣкша прибѣжавъ съ добычи, и мѣста не нашла, гдѣ лежалъ ея запасъ, отъ чего впала въ безмѣрную тоску. Муравей узнавъ о

причинѣ ея печали, такъ говорилъ ей: скупая тварь отъ трудовъ своихъ рѣдко имѣетъ пользу. Естьли бы ты была не столько завистлива, тобы твое добро не пропало, и ты бы сама свои орѣхи скушала. Запасаться на предбудущее время, дѣло разумной твари; но не надобно быть чрезмѣрно завистливою. Вить и мы лѣтомъ пищею запасаемся на зиму, однако не завидуемъ никому и скупости не знаемъ. мы все въ одно гнѣздо таскаемъ, какое бы зерно ни попалось, и всякъ ѣстъ, кто голоденъ, и мы изъ рта у него ничего не вырываемъ, зная, что и онъ столько же притащитъ; и такъ въ нашемъ обществѣ всегда согласїе, и никогда голоду нѣтъ.

Скупой въ двое теряетъ.

СОБОЛЬ и КРОТЪ.

Соболь прогуливаясь на полѣ, увидѣлъ роющаго землю крота и съ презрѣнїемъ ему говорилъ: какая ты гадкая тварь, посмотри на меня, и удивляйся моей красотѣ. Шерсть моя противъ солнца блещетъ, и мною весь родъ человѣческїй плѣняется. На что такъ ему отвѣчалъ кротъ: правда, что ты красивъ и многаго стоишь, но твоя красота часто бываетъ причиною твоей смерти. Естьли бы твоя кожа не столько была дорога и красива, тобъ ты жилъ гораздо долѣе, нежели нынѣ. На противъ того хотя я землю рою, и хотя всѣ меня презираютъ, однако живу въ безопасности и гораздо долѣе, нежели ты, по крайней мѣрѣ умираю своею смертїю, потому что никто о моей по-

гибели не старается, а за тобою гоняются всѣ, чтобъ съ тебя содрать кожу, и лишить тебя твоего достоинства.

Достоинство всѣмъ нравится, и кто оное получитъ, тотъ въ великой опасности, имѣя весь свѣтъ соперникомъ.

ВИЗИРЬ и ЕГО ОТЕЦЪ.

Верьховной Султана Турецкаго Визирь, будучи подлаго происхожденія, ненавидѣлъ всѣхъ своихъ родственниковъ, а больше всѣхъ отца, которой, когда Визирь былъ еще мужикомъ, всегда ему говаривалъ, что онъ никогда не будетъ честнымъ человѣкомъ.

Когда послучаю сей деревенской пипомецъ достался Султанскому двору, и наконецъ за нѣкоторыя заслуги былъ пожалованъ Визиремъ, тогда

отецъ его увѣдомясь о благополучїи своего сына, поѣхалъ въ Константинополь, надѣясь, что Визирь снабдитъ его всемъ, и что онъ впредъ никакой нужды претерпѣвать не будетъ.

Пріѣхавъ въ Константинополь подалъ Визирю чрезъ его служителей письмо, въ которомъ увѣдомилъ его о своемъ прибытїи и о бѣдственномъ состоянїи; но Визирь прочитавъ письмо, вложилъ оное въ карманъ, и ничего старику не отвѣтствовалъ. Крестьянинъ видя, что сынъ его ничего о немъ не помышляетъ, дожидался его весь день укрыльца, и какъ онъ ѣхалъ къ Султану, то поклонясь ему говорилъ: конечно ты меня, любезной сынъ, не узналъ? Какъ такого лжеца, какъ ты, не узнать, отвѣчалъ Визирь: помнишь ли, продолжалъ онъ, что говари-

валъ мнѣ въ деревнѣ, что я никогда не буду человѣкомъ честнымъ? Теперь самъ видишь, что ты солгалъ; ибо меня никто теперь достоинствомъ не превосходитъ. Старикъ вздохнувши сказалъ Визирю: я тебѣ никогда не говорилъ, что ты не будешь Визиремъ, но всегда утверждалъ, что не будешь честнымъ человѣкомъ. Ты и теперь не человѣкъ; естьли бы въ тебѣ было человѣчество, ты бы своего родителя не презиралъ. Выговоривъ сїи слова, пошелъ отъ него прочь; но Визирь приказалъ отца своего за такую дерзость послать на галеру о чемъ слухъ пронесся по всему городу, и Визирское варварство дошло и до Султанскихъ ушей. Султанъ послалъ по Визиря. Когда онаго представили, выговаривалъ ему слѣдующими словами: тебѣ

твой отецъ сказывалъ, что ты никогда не будешь честнымъ человѣкомъ, и онъ очень угадалъ. Я самъ вижу, что въ тебѣ честности нѣтъ, и ты не думай, чтобъ честность состояла въ знатности. Знатность утратить можно, а честность всегда при человѣкѣ остается. Выговоривъ сіе, приказалъ его отвести на галеру на отцово мѣсто, а отца его пожаловалъ Визиремъ.

Гордый человѣкъ часто отъ своей гордости погибаетъ.

СИНИЦА и ВОРОБЬИ.

Воробьи завидуя, что синица несла яицъ больше ихъ, выщипали у нее всѣ перья и отняли гнѣздо, потомъ выколовъ ей глаза пустили въ поле. Бѣдная синица съ часъ летала,

не зная, куда дѣваться; наконецъ томясь летанїемъ, помалу спустилась на землю, и бѣгая по бороздамъ, нашла большой кустъ, и въ ономъ спряталась. Тамъ она по случаю нашла изрядное перепелкино гнѣздо. Случилось послѣ, что жаворонокъ увидя ворона, улетѣлъ отъ него и спрятал я въ ономъ же кусту, въ которомъ нашедъ синицу слѣпую, такъ ей говорилъ: какъ ты будучи слѣпа могла сыскать толь выгодное мѣсто, которое я въ несчастїи избралъ своимъ убѣжищемъ? На что ему отвѣчала синица: Творецъ о нещастныхъ печется: онъ меня спасши отъ моихъ непрїятелей сюда привелъ, гдѣ я по его провидѣнїю никакой нужды не претерпѣваю; гнѣздо у меня, какъ видишь самъ, изрядное, пашни кругомъ

около меня, и я никогда не голодна.

Слѣпой птицѣ Богъ гнѣздо дѣлаетъ.

СМЕРТЬ и ГЕНІЙ.

Генїй летая по воздуху, увидѣлъ стремящуюся къ нему смерть, и ненадѣясь такъ скоро умереть, сказалъ ей: за чѣмъ ты, страшилище, ко мнѣ летишь? Конечно ты ошиблась; я не тотъ, кого ты ищешь. Нѣтъ, отвѣчала смерть, я никогда не ошибаюсь; ты тотъ самой, кого я ищу. Не только животныхъ и людей я исключаю изъ числа живущихъ, но и генїевъ: нѣтъ такой твари такого строенїя, и такого дѣйствїя, которое бы мнѣ не было подвержено, и самое всѣхъ старѣйшее время, которое отъ

начала свѣта по нынѣ живетъ и будетъ жить до окончанїя онаго, не уйдетъ на конецъ отъ моей острой косы. Тогда спросилъ ее Генїй: скажи же мнѣ пожалуй, будетъ ли тебѣ конецъ? Нѣтъ мнѣ конца, отвѣчала смерть; я всему конецъ. А какъ тебѣ, повторилъ Генїй, не будетъ кого умерщвлять; когда люди, животныя и Генїи помрутъ, когда деревья и травы посохнутъ, водъ нестанетъ, строенїе въ пепелъ обратится и свѣтъ окончится, то у кого ты будешь отнимать жизнь? Тогда и меня не будетъ, отвѣчала смерть. Такъ и ты пропадешь, сказалъ ей Генїй, и тѣмъ ужаснѣе тебѣ будетъ кончина твоя, что ты почитая себя безконечною, въ такое время погибнешь, когда уже нѣкому будетъ нещастїя твоего оплакивать. Можетъ ста-

ться, что въ то время будешь раскаиваться въ своихъ дѣйствїяхъ, и скажешь: ахъ! ежели бы я знала, коль тяжело умирать, чтобъ ни у кого не отнимала жизни; но такое твое раскаянїе не спасетъ тебя отъ того, чемъ ты другимъ вредишь.

Каждому герою и владѣтелю разсуждать полезно, что придетъ время, въ которое и смерть опредѣляющїй умретъ; и естьли имъ самимъ умереть не легко, то полезно бы было не отнимать безвинно жизнь у другихъ во время долговременной войны, которая часто безъ всякой важной причины бываетъ.

БАРСУКЪ и ОСЕЛЪ.

Звѣри за долговременные услуги избрали барсука членомъ своего засѣданїя, которой столько былъ золъ, что ни одна

собака съ нимъ сладить не могла. Наконецъ собранїе опредѣлило его своимъ Комисаромъ, и препоручило ему денежной расходъ. Тогда Барсукъ сдѣлался злѣе всѣхъ псовъ на цѣпи привязанныхъ, и отъ гордости едва могъ дыхать. Случилось, что проходя мимо его оселъ, не отдалъ ему чести. Тогда прибѣжавъ барсукъ къ ослу, вскричалъ: знаешь ли ты, что я членъ собранїя? знаю, отвѣчалъ оселъ, однако вамъ нѣтъ причины хвастаться; и я ношу на спинѣ своей пшеницу; однако ее мнѣ ѣсть не даютъ; казна также бываетъ на моихъ плечахъ, при всемъ томъ я оселъ, и ничего мнѣ изъ того пользы нѣтъ, что чужое добро ношу. Такъ и вамъ, господинъ барсукъ, нѣчего тѣмъ хвастаться, что вы комисаръ, когда и вы чужимъ богаты, притомъ

помните и то, что вы со всѣми вашими чинами шершавой барсукъ, и львомъ никогда быть не можете.

Чинъ злой внутренности никогда не перемѣняетъ.

ЧОРТЪ и СТАРУХА.

Чортъ выпросясь у своего старшины на нѣсколько недѣль въ отпускъ, прилетѣлъ на свѣтъ, и утомясь летанїемъ, сѣлъ подъ березу, подъ которую пришла старуха собирать грибы. Она увидя такую безобразную тварь, сказала: какой чортъ сидитъ подъ березою? Что услыша чортъ, не мало тому удивлялся, что старуха въ первой разъ его увидя, узнала, какъ его зовутъ. Онъ почитая старуху за весьма разумную тварь, сталъ предъ

нею, и отдалъ ей почтенїе, потомъ просилъ ее, чтобъ ему сыскала квартиру, за что онъ обѣщалъ ее благодарить вѣчно, и дать ей самую внутренную комнату, когда она къ нимъ прибудетъ. Тогда спросила его старуха, кто онъ таковъ? Чортъ началъ опять удивляться старухѣ, что она прежде назвавъ его по имени, по томъ объ ономъ его спрашивала. Наконецъ заключа, что она какъ и прочїе старухи была короткой памяти, сказалъ: меня зовутъ чортомъ. Ну, мой другъ, услыша о толь знатномъ имени, сказала старуха; помоги мнѣ сбирать грибы, а потомъ милости просимъ ко мнѣ: я тебѣ дамъ комнату въ моемъ домѣ. Чортъ отъ радости подскочилъ, и началъ сбирать грибы. Въ нѣсколько минутъ онъ наполнилъ старухинъ кузовъ.

По томъ пошли они въ городъ вмѣстѣ. Чортъ былъ великой учтивецъ; ибо черти очень хорошїе политики, и онъ велъ старуху за руку.

Какъ старуха привела чорта въ свой домъ, то просила своего гостя садиться. Потомъ начала она разсуждать о разныхъ дѣлахъ. Чортъ безпрестанно говорилъ старухѣ, чтобъ его познакомила съ людьми, а старуха сказывала чорту, что она очень бѣдна. И такъ въ ихъ рѣчахъ мало было согласїя; хотя впрочемъ старухи во всемъ съ чортомъ бываютъ согласны. Наконецъ чортъ обнадеживалъ старуху, что онъ ее отъ бѣдности освободитъ, только бы она его познакомила со многими людьми на что старуха съ охотою согласилась. Естьли ты мой другъ, говорила чорту она, хочешь, чтобъ твое

странствованїе было успѣшно, то во всемъ положись на меня и слушайся моихъ совѣтовъ, а ты отсюду съ великою прибылью въ отечество свое возвратишся. Изволь матушка, отвѣчалъ чортъ. Мнѣ какъ я изъ ада отправился, еще тамъ о вашихъ достоинствахъ сказывали нѣкоторые мои товарищи, которые были въ вашемъ свѣтѣ; и у насъ, всѣмъ уже извѣстно, что гдѣ они не могли тамъ васъ употребляли. По чему и я хочу моимъ единоземцамъ послѣдовать, и быть всегда въ вашихъ повелѣнїяхъ. Изрядно господинъ чортъ, сказала старуха. Я буду всячески стараться, чтобъ вамъ сдѣлать удовольствїе. Теперь вы мнѣ скажите, что вамъ лучше нравится, уединенїе ли или общество? Я уединенїя терпѣть не могу, отвѣчалъ чортъ; ибо мы

привыкли ко многолюдству. Такъ вамъ надобно, продолжала старуха, меня сдѣлать орудіемъ вашихъ забавъ. Вить вы умѣете себя и другихъ переобразывать. Я въ томъ великой мастеръ, отвѣчалъ чортъ. Такъ надобно, повторила старуха, чтобъ ты изъ меня учинилъ такую красавицу, о которой бы всѣ прелестные юноши воздыхали. Этого и самой лучшій изъ насъ не сдѣлаетъ, отвѣчалъ чортъ, чтобъ старуха могла быть въ самомъ дѣлѣ красавицею, и была подлинно любима; однако я то произведу, продолжалъ чортъ, что многіе будутъ къ тебѣ учащать: надѣлю тебя богатствомъ; будешь одѣваться великолѣпно; морщины лица твоего замажешь бѣлыми красками, и мертвенной цвѣтъ онаго украсишь красными. Это такіе

краски, которые изъ старыхъ рожъ, дѣлаютъ прекрасныя лица, и я тебѣ ихъ самъ своею рукою сдѣлаю. При томъ могу ослѣпить многихъ пригожихъ молодцовъ и воспалить въ нихъ желанїе, что они съ охотою съ твоимъ богатствомъ будутъ знаться. Старуха благодарила своего друга за такую милость; однако весьма ей то было досадно, что въ самомъ дѣлѣ не могла быть красавицею, и неудовольствїе свое вкратцѣ изъяснила своему гостю. О коль великое удовольствїе, говорила старуха, быть любимою всѣми, и почитать себя за достойную любви. Напротивъ того несносное мученїе видѣть около себя многїя любезныя твари, и думать, что только по нуждѣ съ нами знаются. Что касается до этого, сказалъ чортъ, то я

такую вашу мысль превращу въ самую нѣжнѣйшую, и вы больше никогда о томъ думать не будете. Выговоривъ сїе, полетѣлъ сатана на гостиной дворъ, и тамъ накупилъ старухѣ разнаго богатаго платья. По томъ сдѣлалъ ей бѣлила и румяны, которыхъ прежде чортова прибытїя въ свѣтъ, не знали, и которые такой въ себѣ имѣютъ секретъ, что намаравшись оными старухи и гадкїе рожи, за красавицъ себя почитаютъ. Также купилъ ей чортъ такое зеркало, которое гораздо красивѣе и моложе показывало человѣка, нежели каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ.

Тогда старуха начала бѣлилами и румянами марàться, а чортъ ей убиралъ волосы, надъ которыми не мало мучился; ибо всю ея голову увилъ въ локи, по томъ надѣлалъ булавокъ, и

началъ оными пришпиливать брилїантовыя складни, и разными духами скропилъ ея голову, лице и платье. Сей нарядъ продолжался шесть часовъ, и чортъ весь употѣлъ; ибо немалаго времени и труда требуетъ украсить старуху.

Какъ старуха одѣвшись посмотрѣлась въ зеркало, то удивлялась своей красотѣ, и почитала себя любви и почтенїя достойною. Чортово обѣщанїе исполнилось; ибо сїя старая госпожа была наполнена самыми нѣжнѣйшими мыслями, и никогда инако о себѣ не думала, какъ что очень пригожа и любезна.

Послѣ сего убралъ чортъ ея покои принялъ ей многихъ слугъ, накупилъ каретъ и лошадей, и онъ былъ изрядной сей госпожи дворецкой. Въ деньгахъ же онъ никогда не имѣлъ недостатку; ибо черти у купцовъ великой имѣютъ кредитъ.

Какъ такїя знатныя госпожи во всѣ дѣла употребляютъ своего дворецкаго, то и сїя старая дама, кто ей только понадобился, за нимъ посылала своего дворецкаго чорта, и такъ онъ попался изъ огня въ пламя; ибо больше ему было работы у старухи, нежели во адѣ. Правда, что онъ тамъ познакомился со многими людьми, однако съ нимъ мало кто обходился, а всѣ разговаривали съ его госпожею; больше всего ему было досадно то имя, которымъ другїе служители его называли, и коимъ называютъ тѣхъ, кои любовїю другихъ соединяютъ. Наконецъ такъ ему сїе званїе наскучило, что онъ и имя и чинъ свой вознамѣрился перемѣнить, и сдѣлался у своей госпожи скороходомъ; но въ большую прежней бѣду попалъ. Госпожа его узнавъ, что

онъ скоро умѣетъ бѣгать, за всякою бездѣлицею его посылала. Тогда онъ сказалъ, что все одно, что быть чортомъ во адѣ, что скороходомъ у знатной госпожи.

Между тѣмъ многія молодыя и пригожія женщины изъ сего свѣта во адъ переселясь, жаловались Люциферу на новопріѣзжаго въ свѣтъ чорта, что всяхъ пригожихъ молодцовъ отъ нихъ отговорилъ и познакомилъ со старухою. Мало ли мы тебѣ, говорили онѣ старшему всѣхъ чорту, прибыли сдѣлали живучи въ свѣтѣ? Сколько людей мы въ сіи страны послали, наконецъ и сами сюда прибыли. Адской старшина, почитая ихъ жалобы за справедливыя, притомъ и польза его того требовала, чтобъ дать молодымъ преимущество предъ старухами, отозвалъ странствующаго чор-

та, приказавъ отъ старухи все богатство отобрать, и оставить ее такъ, какъ была прежде. Чортъ Люциферово повелѣнїе исполнилъ, и оставилъ старуху въ превеликомъ бѣдствїи. Тогда она была принуждена отправлять ту должность, которую прежде при ней правилъ чортъ, и она сїю должность всѣмъ бѣднымъ старухамъ, оставила по себѣ въ наслѣдїе.

Незаконная корысть недолговременна.

СОРОКА и ВОРОБЕЙ.

Двѣ сороки поссорившись, начали между собою драться. Воробей сидѣвшїй на кровлѣ, видя что сороки дерутся на смерть, полетѣлъ къ нимъ, и началъ ихъ разнимать, говоря:

лучшебъ вы свою ярость обратили на вашихъ непрїятелей. что вамъ изъ того за прибыль, что одна другую клюетъ безъ пощады? Ничего въ свѣтѣ хуже нѣтъ какъ междоусобная война. Сосѣди ваши вамъ будутъ смѣяться, и вы будете жертвою гнѣва вашихъ непрїятелей. Увѣщеваніе воробьево сорокамъ наскучило, и онѣ переставъ драться, обѣ начали щаскать воробья, и естьлибъ соколъ не погнался за сороками, тобъ они воробья въ мѣлкіе клочки растерзали. Тогда лежалъ на землѣ воробей не имѣя силы подняться въ верьхъ, и самъ такъ про себя разсуждалъ: кто тебѣ бѣдной воробей велѣлъ мѣшаться въ драку сорокъ? Пусть бы онѣ проклятыя хоть головы себѣ посрывали. развѣ ты не зналъ, что самыя лучшія оплеухи достаются

мировщикамъ? Злой со злымъ скоро согласится, и нападутъ оба на добраго, когда у него нѣтъ силы отъ нихъ обороняться.

Когда хочешь ссорящихся помирить, то надобно, чтобъ ты былъ сильнѣе обоихъ.

МУХА и ПЧЕЛА.

Муха увидя, что всѣ пчелы узкою скважиною входятъ въ улей, сѣла на оную скважину, и присматривалась удивительной пчелъ работѣ но не могши издалека всѣ ихъ соты видѣть, влезла въ улей. Тогда пчелы обѣли ей крылье и ноги, и выбросили какъ трупня изъ своего улья вонъ.

Невѣжѣ любопытство не въ пользу бываетъ.

КРОЛИКЪ, ЗАЕЦЪ и ОЛЕНЬ.

Кроликъ что ни увидѣлъ въ домѣ своего хозяйна, то свидавшись съ зайцемъ ему пересказывалъ, а заецъ увѣдомлялъ о томъ оленя, которой по своей простотѣ всѣму вѣрилъ. Случилось, что кроликъ услышалъ, какъ хозяинъ его говорилъ своей женѣ, что пойдетъ въ лѣсъ на охоту стрѣлять звѣрей. Тогда онъ не выразумѣвъ обстоятельно дѣла, побѣжалъ къ зайцу, и сказалъ, что хозяинъ его придетъ въ лѣсъ стрѣлять большихъ звѣрей, а заецъ такъ же не выразумѣвъ дѣла хорошо, (ибо обыкновенно переносчики бываютъ непрозорливы) побѣжалъ къ оленю, и сказалъ ему, что въ лѣсу на него поставленъ силокъ. Тогда олень опасался всего лѣсу, думая, что на каждомъ де-

ревѣ поставленъ на него силокъ: по томъ побѣжалъ въ воду, и влезъ въ оную по самую шею, что увидя собаки поплыли къ оленю, и на водѣ его заѣли, гдѣ онъ не могъ употребить въ свою оборону острыхъ своихъ роговъ. Между тѣмъ хозяинъ кроликовъ идучи по лѣсу, увидѣлъ зайца сидящаго вмѣстѣ съ кроликомъ. Заецъ увидя въ рукахъ ево фузею, говорилъ стрѣльцу, поди къ рѣкѣ за здѣшнимъ лѣсомъ текущей; предъ тобою въ оную спрятался олень, и можешь его убить безъ всякаго труда; но хозяинъ кроликовъ не хотя утратить изъ глазъ своихъ зайца и кролика, котораго онъ почиталъ за дикаго, выстрѣлилъ по нихъ дробью, и убилъ обоихъ.

Ябедникова смерть въ его языкѣ и кто такому вѣритъ, тотъ и самъ не минуетъ нещастія.

ЛЕБЕДЬ и ВЫДРА.

Лебедь сидя въ простникѣ на своемъ гнѣздѣ, запѣлъ. Голосъ его какъ то въ то время ему очень пріятенъ показался, и онъ началъ пѣть громче, такъ что его услышала выдра. Она подкравшись къ лебедю, схватила его за горло и задавивъ съѣла. По томъ начала разсуждать, что никакая тварь своего нещастія предвидѣть не можетъ. Сей бѣдный лебедь пѣлъ и веселился своимъ голосомъ, не зная, что онъ пѣлъ въ послѣдній разъ, и что пѣніе будетъ причиною смерти. Но что дѣлать? Судьба ему такую участь опредѣлила. По томъ такъ углубилась выдра въ размышленіе о неизвѣстности предбудущаго, что не уви-

дѣла, какъ подкрался къ ней ловецъ, и ее убилъ.

Злодѣй по большей части преступленіе свое на судьбу, или на случай слагаетъ, чтобъ тѣмъ способомъ сдѣлать облегченіе своей совѣсти; но справедливость тою же мѣрою ему отмѣритъ, какою онъ вымѣрилъ другому.

ОСА и ШМЕЛЬ.

Оса выговорила шмелю, что онъ ни къ чему иному не годится, какъ только кусать въ полѣ скотовъ, и съѣдать кору съ нѣжныхъ деревъ, а шмель упрекалъ осу, что она пуще кусаетъ нежели онъ, и что жало ея имѣетъ въ себѣ ядъ. Они не могши рѣшить своей ссоры, вознамѣрились итти предъ судъ какого нибудь животнаго, и полетѣли въ поле, гдѣ увидя спящаго кобеля, при-

летѣли къ нему. Оса говорила шмелю, чтобъ укусилъ собаку, а по томъ тоже и она сдѣлать хотѣла; собака намъ скажетъ, говорила оса, кто ее укусилъ больнѣе. Шмѣль отвѣчалъ осѣ, что онъ въ томъ случаѣ уступаетъ ей старшинство, и ей прежде слѣдуетъ укусить кобеля. Тогда сѣвъ оса на кобеля, крѣпко его укусила; кобель же проснувшись схватилъ осу зубами и проглотилъ оную; что увидя шмель улетѣлъ въ лѣсъ.

Хитрость больше можетъ, нежели сила.

ПАСТУХЪ и ВОЛКЪ.

Нѣкоторой пастухъ всегда два раза въ день щиталъ свою череду, то есть по утру и въ вечеру. При томъ часто и послѣ полдня, когда ложился спать

щиталъ, всѣ ли въ цѣлости его овцы; а когда проснется, то опять все свое стадо пересчитывалъ. Наконецъ случилось, что волкъ какъ онъ спалъ, унесъ его овечку. Какъ онъ проснулся, то пересчиталъ свое стадо, и не нашедъ одной овечки, весьма злобствовалъ на волка, что онъ изъ читаннаго стада съѣлъ овцу. Пригнавши стадо съ поля жаловался на волка управителю деревни; но управитель не взирая на пастушьи жалобы, велѣлъ ему заплатить за овцу, которую онъ чрезъ свою не осторожность потерялъ. Можно ли лучше быть осторожнымъ, какъ былъ я, отвѣчалъ управителю пастухъ? Я раза два въ день а иногда и четыре, всѣхъ овечекъ щиталъ, чтобъ которая нибудь изъ нихъ не пропала; но кто можетъ отъ вора устеречься? Этого не до-

вольно, отвѣчалъ управитель, что ты очень часто считалъ тебѣ препорученныхъ овецъ; не надобно было въ то время спать, когда ты зналъ, что близко тебя воръ, или покрайней мѣрѣ тебѣ надлежало стадо кому нибудь препоручить въ смотрѣніе передъ тѣмъ, пока ты легъ спать. Послѣ не взирая ни на какія пастушьи оправданія, вычелъ за овечку изъ его жалованья.

Воръ на щотъ не взираетъ, и бдѣніемъ а не щотомъ, добро свое отъ онаго спасать надобно.

МЕДВѢДЬ и БОЛЬНОЙ.

Медвѣдь жестоко занемогши горячкою, раскаивался во всѣхъ своихъ прежнихъ безпорядкахъ. Онъ созвалъ къ себѣ многихъ звѣрей, и всѣмъ разказывалъ свои пороки; притомъ обѣщался

никогда зла не дѣлать, естьли выздоровѣетъ. Естьли я буду здоровъ, говорилъ медвѣдь, то больше уже никогда изъ чужей пасѣки меду не буду вытаскивать и портить чужихъ улей. Никакому звѣрю вредить не стану, и буду въ пустынѣ жить въ уединенїи оплакивая прежнїе свои пороки: словомъ, изъ медвѣдя сдѣлаюсь невинною овечкою. Послѣ сего онъ плакалъ и воздыхалъ безпрестанно. Козелъ весьма тому радовался, что впередъ можетъ ходить въ лѣсъ свободно, и ѣсть кору съ молодыхъ деревъ. Наконецъ медвѣдь выздоровѣлъ. Козелъ зная, что медвѣдь зла дѣлать и звѣрямъ вредить зарекся, ходилъ въ лѣсъ безъ всякой опасности, и ѣлъ молодыя березы. Случилось, что выздоровѣвшїй медвѣдь по случаю мимо козла шелъ, и увидя его схватилъ

въ свои кохти. Козелъ ужаснымъ закричалъ голосомъ: помилуй господинъ медвѣдь; вить ты зло дѣлать зарѣкся. Куда же дѣвались твои слезы, коими ты насъ около тебя стоящихъ увѣрялъ о твоемъ искренномъ покаяніи? На что такъ козлу отвѣчалъ медвѣдь: въ болѣзни звѣрь самъ не помнитъ что дѣлаетъ, но вамъ здоровымъ надобно было быть умнѣе и столько слѣпо мнѣ не вѣрить; ибо тому никогда статься не можно, чтобъ лютой медвѣдь былъ смирною овечкою.

Злодѣй тогда кается въ своихъ преступленіяхъ, когда видитъ себя въ опасности; но коль скоро внѣ оной себя увидитъ, то къ прежнимъ злодѣяніямъ возвращается, и такому никогда вѣрить не надобно.

КОМАРЪ и МУХА.

Комаръ спорилъ съ мухою, что онъ сильнѣе ее, и доказывалъ тѣмъ, что онъ крѣпче кусаетъ, нежели муха. Муха напротивъ того хвасталась, что она преодолѣетъ комара. Комаръ хотя доказать свою храбрость, говорилъ мухѣ: смотри, какъ я крѣпко кусаю, и можешь ли ты такъ кусать? Выговоривъ сіе, полетѣлъ къ мужику и сѣлъ ему на голову; но не успѣлъ сѣсть на головѣ его, то мужикъ плеснувъ рукою по своей лысинѣ придавилъ комара. Онъ умирая говорилъ мухѣ: не я виноватъ своему нещастію, но судьба; я ни въ чемъ не преступилъ моей должности. Мѣсто я занялъ очень хорошее; ибо сидя на лысинѣ стариковой, ничто мнѣ мѣшать не могло, чтобъ я его не

укусилъ, однако судьба всѣ мои похвальныя предпрїятїя уничтожила, и сей варваръ меня лишилъ жизни. На что такъ ему говорила муха, ты самъ несчастїю своему виноватъ для того, что ты не помѣръ своихъ силъ поступалъ. Ты такая маленькая тварь, а шуму дѣлаешь премножество, какъ летишь, и тебя слышно издалека. Естьли бы ты столько не шумѣлъ и прилетѣлъ къ старику потише, то бы могъ его укусить, и улетѣть отъ него прочь, но онъ тебя еще летящаго слышалъ, и какъ скоро ты сѣлъ на его лысинѣ, то онъ тябя убилъ.

Безъ разума споришь, а безъ силы шумѣть не надобно.

СОВА и НЕТОРЫРЬ.

Сова будучи мужикомъ выгнана изъ его гумна, полетѣла

на щастїе. Наконецъ сѣла на поле, гдѣ сидѣлъ нетопырь прицѣпившись къ землѣ. Онъ услыша прилетѣвшую къ нему птицу по шуму, спросилъ, кто таковъ прибылъ въ его предѣлы? Сова, милостивый государь, сказала она. Меня выгнали изъ прежняго моего мѣста, и я послучаю сюда залетѣла. А вы кто таковый милостивой государь, спросила его сова. Я такая птица, отвѣчалъ нетопырь, что днемъ и ночью вижу; ибо глупые и лѣпые предъ такими же какъ и сами любятъ хвастаться. Сова повѣря его словамъ, просила, чтобъ онъ повелъ ее въ лѣсъ, сказывая: что у нее глаза заболѣли, и что не очень ясно видѣла; ибо всякая тварь свой порокъ украсить старается. Нетопырь, думая, что лѣсъ очень далеко, и хотя предъ совою похваста-

ться поднялся на воздухъ, и приказалъ совѣ за собою слѣдовать. Она немедлѣнно за нетопыремъ полетѣла. Не далеко того мѣста, гдѣ они сидѣли, было большое озеро, и отъ солнца очень прозрачное. Тогда нетопырю больше прежняго въ глазахъ потемнѣло; ибо слѣпаго, блескъ больше затмѣваетъ, такъ какъ и безразумнаго ясная правда. Тогда нетопырь опасаясь, чтобъ неналетѣть на какую нибудь стѣну или на дерево, говорилъ совѣ: сядь поскорѣе на землю, предъ нами великая опасность. Тогда съ великимъ стремленїемъ сова пала на озеро, нетопырь также, и вмѣстѣ утонулъ съ совою, не зная, что не предъ ними, но подъ ними была опасность.

Когда слѣпой слѣпаго ведетъ, то оба зайдутъ, или въ яму, или въ

воду, а безразумной съ безразумнымъ побравшись за руки идутъ къ своей погибели.

БАБОЧКА и КУЗНЕЦЪ, СТѢННОЙ ЧЕРВЯКЪ.

Бабочка сидя на стѣнѣ задремала, а кузнецъ сидя подъ нею, началъ звонко коватъ. Тогда бабочка говорила ему: немѣшай мнѣ спать. Кузнецъ ей отвѣчалъ: ты дѣлай свое дѣло, а я дѣлаю мое. Бабочка разсердясь на сего червячка полетѣла его искать, не зная, что онъ подъ нею. Она его повсюду искала. Наконецъ увидя на столѣ свѣчу, полетѣла въ огонь, думая, что тамъ ею искомой червякъ, и сгорѣла.

Глупой и слѣпой, почти все одно.

МАРСЪ, АЛЕКТОРІОНЪ и ВУЛКАНЪ.

Марсъ влюбясь въ Венеру, открылся въ томъ своему другу Алекторїону, и сказалъ ему, что ночью хочетъ посѣтить Венеру. На что отвѣчалъ Марсу Алекторїонъ: дѣлай какъ тебѣ угодно. Наконецъ просшясь съ своимъ другомъ Марсомъ, пошелъ прогуливаться къ своей любезной Венерѣ. Она его приняла безъ дальныхъ обрядовъ; ибо Венеры излишнихъ учтивствъ не любятъ. У нихъ скоро пришло и до тѣсной дружбы; наконецъ Марсъ наскучилъ Венерѣ, и она хотѣла его сбыть поскорѣе, понеже Венеры не очень жалуютъ военныхъ людей, зная, что они не очень богаты.

Венера Марсу давала отпускную; но сей герой, какъ до-

брой солдатъ послѣ трудовъ любилъ отдохновенїе, и отвѣчалъ Венерѣ, что еще поспѣетъ въ лагерь. Между тѣмъ Вулканъ, оставя свою наковальню, пришелъ домой, и засталъ Марса у своей жены въ гостяхъ. Онъ весьма былъ не доволенъ такимъ случаемъ, и не взирая на право страннопрїимства, напалъ съ молоткомъ на своего гостя; но Марсъ былъ сильняе его, и сломавъ ему и другую ногу, довольно оправдался. Тогда бѣдной Вулканъ упрекалъ измѣною Венеру; но и она ему геройски отвѣчала, что такой гадкой и мерзкой мужъ какъ онъ, ничего иного не могъ надѣяться отъ жены красавицы. Сїе услыша Вулканъ, потрясъ головою, и сказалъ, подлинно я съ ума сошелъ, что самъ будучи не пригожъ, женился на такой красавицѣ. Я думалъ,

что обрящу чрезъ то большее почтенїе въ народѣ, и что всѣ будутъ тому завидовать, что сынъ Юпитера женился на прекрасной Венерѣ, въ которую и боги влюблены были; но вижу, что удалой молодецъ Марсъ не смотрѣлъ на то, что сдѣлаетъ обиду сыну Юпитерову. Я же того и не зналъ, что моя жена столько человѣколюбива. Послѣ такихъ размышленїй, пошелъ Вулканъ къ своей наковальнѣ, хромая на обѣ ноги.

Марсъ возвратясь домой, напалъ на своего друга Алектрїона за то, что онъ его не остерегъ, какъ его застали съ Венерою. Алектрїонъ всячески предъ нимъ извинялся. Изъ того не слѣдуетъ, говорилъ онъ Марсу, чтобъ вы меня столько возненавидѣли, за то, что Вулканъ васъ засталъ съ Венерою. Я думаю, продолжалъ Алектрї-

онъ, что въ правилахъ дружества, того не положено, чтобъ другъ стоялъ у дверей своего товарища, когда онъ въ чужихъ покояхъ любовника должность отправляетъ; но Марсъ не взирая ни на какія его оправданія, превратилъ Алектріона въ пѣтуха, и по той причинѣ нынѣ пѣтухъ, помня прежнее свое нещастіе, нѣсколько разъ въ ночь поетъ громко, чтобъ пробуждать любителей отъ сна, и пѣніемъ своимъ увѣщевать ихъ, чтобъ береглись тѣхъ, у которыхъ женъ они въ гостяхъ.

Неистовому человѣку лучше быть врагомъ, нежели пріятелемъ.

КРИВОЙ и СЛѢПЫЕ.

Кривой не могши обжиться между зрящими обѣими глазами людьми, пошелъ искать себѣ подобныхъ. Наконецъ онъ при-

шелъ въ такое общество, гдѣ всѣ были слѣпые. Они краваго приняли съ охотою, у нихъ хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ было довольно, и каждый изъ нихъ въ своемъ домѣ столько имѣлъ хлѣба, что на всю его жизнь было съ него довольно; но какъ слѣпые бываютъ любопытны и хотятъ знать, что дѣлается въ свѣтѣ, въ которомъ они ничего не видятъ, то спрашивали криваго, нѣтъ ли у него новыхъ вѣдомостей. Кривой вралъ имъ, что ему на умъ зврело, а слѣпые удивлялись его мудрости. Онаго общества начальникъ былъ слѣпѣе всѣхъ; у него не только очей, но и рѣсницъ, подъ которыми бываютъ глаза, не было. Онъ свой маротъ никогда изъ рукъ не выпускалъ, которой знаменовалъ его старшинство надъ слѣпыми. Нако-

нецъ сей начальникъ пожаловалъ криваго членомъ ученыхъ, и кривой въ ономъ обществѣ весьма былъ почитаемъ.

Кривой можетъ быть между слѣпыми Царь.

СТОНОГЪ и СВЕРЧОКЪ.

Сверчокъ хвастался предъ стоногомъ, что онъ очень далеко скачетъ, и въ скоромъ времени достигаетъ куда хочетъ. Притомъ укорялъ стонога, что онъ имѣя множество ногъ, ползалъ по землѣ весьма не скоро. На что такъ ему отвѣчалъ стоногъ: все въ мѣру хорошо. Излишество ногъ больше вредно, нежели полезно; ибо не скоро надумаешся, которою прежде выступить; а скакать не умѣренно, очень опасно, и часто случается, что и ногу переломить прилучится. Послѣ

такого ихъ прѣнїя, сверчокъ желая похвастаться своимъ скорымъ скаканїемъ, такъ далеко скочилъ изъ своей ущелины, что попалъ въ кадку, которая стояла у дверей съ водою, и въ оной утонулъ, что увидя стоногъ потащился подъ полъ, зная, что множество ногъ не дозволитъ ему скочить далеко.

Кто вдругъ хочетъ вознестись, тотъ часто себя ниже находитъ, нежели былъ прежде, а множество друзей безполезно, ибо не скоро можно надуматься, которому прежде препоручить свою нужду.

ТИГРЪ и АФРИКАНЕЦЪ.

Африканецъ проходя чрезъ лѣсъ, встрѣтился съ тигромъ, которой схватя Африканца въ свои лапы, говорилъ: для чего ты въ лѣсъ пришелъ. Я сюда ненарочно пришелъ, сказалъ Аф-

риканецъ; я иду изъ города въ свою деревню, въ которую дорога чрезъ сей лѣсъ. Ты очень предомною виноватъ, повторилъ тигръ. Это мѣсто, на которомъ ты стоишь, принадлежало моему прапрадѣду. Я сего не зналъ, отвѣчалъ Африканецъ; я же мѣста твоего съ собою не беру, и оному ни чего не сдѣлалось. Еще ты со мною такъ много говоришь? разсердясь сказалъ тигръ. Потомъ растерзалъ Африканца, называя его неучтивымъ.

Кто хочетъ кому повредить, тотъ причину всегда можетъ сыскать.

СУПЪ и БОТВИНЬЕ.

Супъ увидя на столѣ ботвинье, такъ ему говорилъ: за чѣмъ ты сюда пришла? или ты не знаешь, что я началь-

никъ стола? меня передъ всякою пищею употребляютъ, а ты осмѣлилась притти на тотъ же столъ, на которомъ и я нахожусь. Поди же прочь отсюда, продолжалъ супъ. Тебѣ приличнo быть на матрозскихъ и на мужичьихъ столахъ, а не на тѣхъ, гдѣ я начальствую. Ботвинье услыша такой предлинной выговоръ, спросило сего знатнаго начальника. А васъ милостивый государь, какъ зовутъ? Я супъ славной, отвѣчалъ онъ: сложенїе мое весьма изрядное. Жирные курицы, голубята, куропатки, перепелки и цыплята меня составляютъ; а въ тебѣ ничего добраго нѣтъ: горькой лукъ, кислой квасъ и вопючей чеснокъ, знатнѣйшими суть твоими достоинствами. Ты обманываешся господинъ супъ, отвѣчало ботвинье. Инымъ нравишся ты, а инымъ я, и я

у многихъ бываю начальникомъ стола; также какъ и ты. У знатныхъ людей я имѣю великія качества. Развѣ мало есть такихъ, кои меня съ краснымъ виномъ дѣлаютъ, а иные и съ Шампанскимъ, и много разныхъ иныхъ приправъ въ меня включаютъ. И такъ нѣчего тебѣ хвастаться своимъ состоянїемъ, когда достоинства наши отъ счастїя зависятъ. Не разъ случается, что и ты благородной супъ, будучи поставленъ на бѣдномъ столѣ, заправленъ бываешь горькимъ лукомъ, перцомъ и такою травою, которую можно достать безъ денегъ, и нарвать вездѣ.

Нынѣ знатность больше отъ счастїя, нежели отъ природы зависитъ.

ВАРГАНЪ, СКРИПИЦА, ВОЛЫНКА и ГУДОКЪ.

Варганъ услыша звучное эхо трубы и пріятность лиры, хотѣлъ обѣихъ оныхъ инструментовъ качество въ одного себя вмѣстить, и представить себя свѣту трубою и лирою. Правда, что намѣреніе варганово было очень хорошо; но удача онаго не такова. Лишь только онъ заигралъ, то всѣ узнали его достоинство, и смѣялись его дурному звуку. Тогда скрипица вооружилась всѣми своими струнами на варгана. Надобно знать, что сія скрипица очень новая, и будетъ со временемъ изрядной имѣть голосъ, естьли какимъ нибудь случаемъ не испортится. То только въ ней похвалить не льзя, что она связалась съ варганомъ, котораго дурной голосъ и дер-

зостъ и безъ ея звуку всему обществу былъ извѣстенъ. За варгана вступилась волынка и гудокъ, и они противу скрипицы изъ всей мочи заиграли, однако вкусъ знающіе въ инструментахъ, предпочли скрипицу тѣмъ ни къ чему иному, какъ только къ развеселенію пьяныхъ и безумныхъ годнымъ инструментомъ; но при всемъ томъ варганъ вездѣ хвастался, что онъ звонче трубы и пріятнѣе лиры, хотя былъ хуже гудка и волынки.

Невѣжа предпочитаетъ себя всѣмъ умнымъ.

КОРОНА и ВѢНЕЦЪ.

Корона пришедъ послучаю въ храмъ Венеры, увидѣла въ ономъ при олтарѣ стоящій вѣнецъ, и весьма тому удивлялась, что онъ на нее походилъ,

что примѣтя вѣнецъ, такъ говорилъ коронѣ: прости мнѣ корона, что я сдѣланъ на подобїе васъ; не почтите то дерзостїю, что я вамъ уподобляюсь; тому виновны разумные емблематисты, кои такъ меня сдѣлали, означивая, что свойства наши почти ни въ чемъ не различествуютъ. Васъ всякой желаетъ, пока еще не имѣетъ; но коль скоро получитъ, то узнаетъ, какое есть ваше бремя. То же и со мною дѣлается. Влюбленные сердца, до того самаго времени, пока я на головы ихъ возложенъ не буду, весьма меня желаютъ; но обвѣнчавшись со мною, часто случается, что проклинаютъ тотъ день, въ которой имѣли меня на своихъ главахъ. Какъ васъ такъ и меня, одна только добродѣтель счастливыми сдѣлать можетъ, а не то блиста-

ющее сіяніе, которое мы имѣемъ въ своей поверьхности. Естьли голова, которую вы своею величественностію украшаете, наполнена добродѣтельными мыслями, тогда вы счастливы; естьли же нѣтъ, то сіяніе ваше разные несчастные случаи помрачаютъ. Со мною то же дѣлается; когда мною соединенные сердца, наполнены добродѣтелію, то я счастливъ, естьли нѣтъ, то ничего въ свѣтѣ несчастнѣе меня не сыщется.

Ни достоинство, ни счастіе, ни любовь человѣка не сдѣлаютъ благополучнымъ, естьли въ немъ не будетъ добродѣтели.

КОЛЕСНИЦА и СОХА.

Колесница быстрыми конями влекомая проѣзжая чрезъ поле, на которомъ орала соха, вдругъ

остановилась, и увидя ее бѣдность, такъ говорила сохѣ: вотъ какое различїе жить въ славномъ городѣ и въ деревнѣ, гдѣ роскоши и великолѣпїя не знаютъ, и потъ съ чела трудящихся безпрестанно льется. О бѣдная соха! сожалѣю о твоемъ состоянїи! на что отвѣтствовала соха. Правда, что я въ бѣдственномъ видѣ тебѣ кажусь, однако посмотри, не богатѣе ли я тебя, и кто изъ насъ довольнѣе своимъ состоянїемъ. Кто на тебѣ ѣздитъ, продолжала соха, тотъ часто пѣсенку черезъ плачь поетъ; къ тебѣ надобно быстрыхъ коней, искусныхъ кучеровъ, богатыхъ ливрей и многихъ служителей; а кто хочетъ тебя позолотить, тотъ занимаетъ золото у другихъ, и чрезъ долги разоряется. Напротивъ того, я своего хозяина довольствую всемъ

тѣмъ, что ему нужно. У него печальныхъ мыслей не бываетъ, и онъ о томъ только думаетъ, чтобъ запасаться хлѣбомъ на будущее время, а оставшееся отъ своей нужды отвозить въ городъ. И такъ не чванься колесница, окончила свою рѣчь соха; ибо какъ твой хозяинъ разорится, то и тебя на дрова велитъ срубить, не имѣя на что купить дровъ.

Великолѣпіе часто бываетъ причиною разоренія.

НОЖЪ и ВИЛКА.

Ножъ будучи очень остръ, думалъ, что ему вилка не надобна, и отослалъ ее отъ себя прочь; по томъ уговорилъ на то своего хозяина, чтобъ вмѣсто вилки, кусокъ, которой ему рѣзать случится, придерживалъ пальцами. Наконецъ слу-

чилось, что хозяинъ глубоко урѣзалъ свой палецъ, и съ сердцовъ бросилъ ножъ на землю, которой и переломился.

Съ искреннимъ и нужнымъ намъ другомъ разставаться не надобно.

БЛЮДО и СТАКАНЪ.

Блюдо увидя, что стаканъ всѣ носили на рукахъ и къ губамъ своимъ прилагали, а въ немъ былъ горячій супъ его жгущій, и рѣзали въ немъ мясо ножемъ, говорилъ стакану, когда его поставили близко блюда: о коль ты щастливъ стаканъ! Тебя всѣ почитаютъ и берегутъ отъ паденія? Напротивъ того меня жгутъ и ножемъ рѣжутъ. На что такъ ему отвѣчалъ стаканъ: и я многимъ опасностямъ подверженъ! меня не разъ подхмѣлившись молодецъ объ землю бросаетъ, и я въ мѣлкіе куски рассыпаюсь. При-

томъ пока меня сдѣлаютъ стаканомъ, то сколько меня мучатъ? Что имъ на умъ сбредетъ, то на мнѣ вырѣзываютъ. Всѣ твои мученія, повторило блюдо, не толь велики, какъ мои, и я всегда несчастнѣе тебя. Такъ каждый о себѣ думаетъ, сказалъ стаканъ, и никто въ несчастіи своемъ себѣ равнаго не сыщетъ, и думаетъ, что нѣтъ несчастнѣе его но повѣрь мнѣ блюдо, окончалъ свою рѣчь стаканъ, что каждому свое несчастіе очень велико.

Никакому благополучному человѣку завидовать не надобно; ибо нѣтъ такого, которой бы какой либо не имѣлъ скорби, которая столько же его отягощаетъ, сколько и бѣднаго несчастіе.

ПАВЛИНЪ и КУПИДОНЪ.

Купидонъ учась въ лѣсахъ ранить звѣрей, чтобъ по-

слѢ удобнѢе ему было ранить любовными своими стрѢлами людей, встрѢтился съ павлиномъ, и приказалъ ему остановиться. Павлинъ увидя на немъ изъ ясени сдѢланной лукъ и кипарисные стрѢлы, узналъ, что то былъ Купидонъ, котораго Юпитеръ, предвидя, сколько онъ человѢческому роду безпокойствъ принести можетъ, хотѢлъ лишить жизни, и коего Венера въ лѢсъ отъ Юпитерова гнѢва спрятала. И такъ павлинъ съ великою гордостїю остановился, и спросилъ Купидона, по какой причинѢ онъ его остановилъ? Купидонъ сказалъ павлину; отъ меня и самые гадкїе твари небѢгаютъ, и они стрѢламъ моимъ подвластны; а ты павлинъ будучи столько пригожъ, не ужели хочешъ отъ меня бѢжать? Тщеславной павлинъ, такъ Купидону отвѢтствовалъ. Ты еще

очень малой ребенокъ, чтобъ меня могъ удержать въ моемъ полетѣ. Притомъ свойства наши почти одни, и мы бы должны однимъ именемъ называться; я думаю продолжалъ павлинъ, что только для различїя дали намъ разныя имена. Меня и тебя раждаетъ любовь, только твоя мать, которую называютъ Венерою, любитъ другихъ, и въ нихъ къ себѣ взаимную воспламеняетъ любовь, а моя мать тщеславїемъ названная, другихъ терпѣть не можетъ, и любитъ только самую себя. И такъ надобно, чтобъ ты выросъ побольше, дабы могъ плѣнить сердце сына тщеславїя; ибо самолюбивую тварь никто увѣрить не можетъ, чтобъ въ свѣтѣ было что нибудь лучше ее. И хотя твоя мать сердце ея и тронетъ, однако оно не будетъ такою нѣжностїю на-

полнено, какъ сердца нетщеславныхъ любителей, по тому что каждый самолюбивый человѣкъ думаетъ, что его всѣ любятъ по должности.

Въ тщеславномъ человѣкѣ ни любовь, ни дружество не постоянны.

ЯЩЕРИЦА и ЛЯГУШКА.

Ящерица имѣя разноцвѣтную и прекрасную чешую, хвасталась передъ лягушкою своею красотою. Ты подленькая тварь, говорила ящерица, столь гадка, что едва можно на тебя смотрѣть. Ты въ грязи и въ болотахъ имѣешь свое жилище, и такъ мерзко крегтишь, что тебя безъ омерзенїя и слушать не можно. Лягушка всѣ ящерицыны укоризны терпѣла безъ гнѣва, и такъ ей отвѣчала: теперь такая мода, что всякая тварь только одну себя

любитъ, а другихъ всѣхъ ненавидитъ. Но мною такихъ, что и тобою гнушаются; и ты часто хорошій свой хвостъ теряешъ. Притомъ вспомни о своемъ происхожденіи и тогда со мною говори. Что же въ томъ, сказала ящерица, что я по мнѣнію баснослововъ выгрызлась изъ живота моей матери? Это отъ моей природы, а не отъ свирѣпости происходитъ. Лучше скажи, повторила лягушка, что твоя свирѣпость тебѣ природна, и никакимъ образомъ оной избѣгнуть не можешь. И подлинно такъ, продолжала лягушка; подлорожденная тварь хотя достигнетъ къ какимъ либо достоинствамъ; однако никогда не утратитъ врожденной своей подлости, которая просвѣщеннымъ тварямъ видна будетъ и изъ подъ мантіи, въ кою облекло счастіе гнусную сію

тварь. Ты не правду говоришь, разсердясь вскричала ящерица. Не каждая подлость презрительна; многіе простоту предпочитаютъ достоинствомъ. Это для того дѣлается, отвѣчала лягушка, что такія ни подлости, ни достоинствъ не знаютъ. Правда, что простота спокойнѣе, и часто добродѣтельнѣе, когда она никогда не была соединена съ достоинствомъ; ибо тогда часто простота превращается въ злобу, и прежнее ея состоянїе всегда будетъ видно; на примѣръ: ты очень хорошую нынѣ нажила чешую, однако всѣ знаютъ, что ты ящерица, и что ты и чрево матери твоей, въ которомъ ты родилась, разорила, и чужимъ несчастїемъ къ своему благополучїю достигаешь.

Свирѣпой и подлой человѣкъ часто за то своею землею гнушается, что въ оной родился.

СОКОЛЪ и ЛАСТОВИЦА.

Соколъ имѣя въ кохтяхъ своихъ одну добычу, гонялся за другою. Онъ увидя несущую перышко въ гнѣздо свое ласточицу, погнался за нею; но ласточица усѣжала отъ него, и спряталась подъ кровлю въ свое гнѣздо. Лакомой и хищной соколъ не хотѣлъ улетѣть изъ того двора, подъ кровлю котораго спряталась ласточица, и на одномъ мѣстѣ на воздухѣ носился, дожидаясь, не вылетитъ ли изъ подъ кровли ласточица. У хозяина онаго дому, были молодые цыплята, и онъ опасаясь, чтобъ соколъ не унесъ его цыпленка, застрѣлилъ сокола изъ ружья, и онъ не пользовался и тою добычею, которую имѣлъ уже въ своихъ когтяхъ.

Завистливой человѣкъ всегда гоняется за чужимъ добромъ, но наконецъ теряетъ и собственное.

О АВРОРѢ.

Аврора прекрасная Нимфа, увѣнчавшись цвѣтами, сѣла въ колѣсницу алою краскою размалеванную и позлащенную по обѣимъ сторонамъ. Въ оную колесницу запряженъ былъ Пегазъ. Длинныя мантіи ея края, разгоняли темноту наносящую унынїе на человѣческія сердца. Она во время своей красоты была обожаема всѣмъ народомъ, и многіе ей поклонялись. Наконецъ, случилось, что пришла ночь, и все Авроры сіянїе затьмила. Тогда полное и пригожее Авроры лице похудѣло, и вмѣсто окапистаго жемчуга, которой Стихотворцы видѣли въ ея глазахъ лились изъ очей ея сле-

зы, и она почитала себя за несчастнѣйшую въ природѣ тварь. Тогда Пегазъ, быспрой ея конь, сбросилъ ее съ себя, и поскакалъ искать лучшаго сѣдока. Тогда то Аврора начала въ крайнее приходить отчаянїе, и будучи очень худа лицемъ, превратилась въ сверчка и пряталась по ущелинамъ, чтобъ никто ее увидѣть не могъ, гдѣ всю ночь оплакивала свою красоту.

Ненадобно гордиться красотою; ибо придетъ время, что на старуху, которая прежде была общею Авророю, никто не посмотритъ.

ГЕБЕЯ и ГАНИМЕДЪ.

Гебея достигши до самаго вышняго при Юпитеровомъ дворѣ достоинства начала презирать всѣхъ наконецъ и своего мужа Геркулеса. Олимпъ былъ тѣснымъ для ея тщеславїя

жилищемъ, и Гебея равной себѣ во всей небесной странѣ не видала особы. Наконецъ гордость ея наскучила Юпитеру, и онъ ее сослалъ отъ своего двора. Потомъ должность ея препоручилъ Ганимеду, славному мужествомъ и добродѣтелями Троянину. Тогда Гебея всѣми была оставлена, и Геркулесъ отъ нее уѣхалъ, она увидя свое несчастїе произшедшее отъ гордости, искала случаевъ, чтобъ паки прїобрѣсти Юпитерову милость; нашлися такїе боги, которые держали ея сторону, однако зная Юпитеръ Ганимедовы добродѣтели, и вѣрность безпримѣрную, отказалъ ея прозьбамъ и не послушался боговъ за нею вступающихся.

Береги крѣпко то, что имѣешь; ибо потерявъ оное, не скоро или никогда уже не сыщешь.

СУЛТАНЪ ВЛЮБИВШІЙСЯ ВЪ ЛЯГУШИЧЬИ ГЛАЗА.

Султанъ прогуливаясь въ своемъ садѣ, увидѣлъ въ прудѣ лягушку. Глаза оной лягушки столько понравились Султану, что онъ велѣлъ ее поймать своимъ евнухамъ, и содержалъ оную въ большомъ хрустальномъ сосудѣ наполненномъ чистою водою, которую велѣлъ каждой часъ переменять. Тогда онъ позабылъ о Султаншѣ, которая была великая красавица, и всѣми добродѣтелями преисполнена. Сосудъ съ лягушкою былъ поставленъ въ его кабинетѣ, и Султанъ безпрестанно смотрѣлъ на оную, удивляясь пріятности очей ея. Наконецъ столько сей Государь глазами любезной своей лягушки былъ плѣненъ, что позабылъ и о правленіи своего государства.

Вельможи видя Государя своего весьма опечаленна, всячески старались ему угождать, и предлагали Султану разные роды увеселенїй Венеры; но СултанЪ ихЪ отЪ себя отогналЪ, и заказалЪ имЪ говорить о веселостяхЪ, сказывая, что онЪ ни вЪ чемЪ прїятности не находитЪ кромѢ вЪ лягушечьихЪ очахЪ. Многїе придворные не могли догадаться, что значила Султанская рѢчь; ибо онЪ никому не сказывалЪ о своемЪ приключенїи, кромѢ одного евнуха, любезнѢйшаго своего фаворита, которой лицомЪ и нравомЪ совсѢмЪ былЪ похожЪ на жабу. НаконецЪ СултанЪ взялЪ указЪ, чтобЪ всѢ знатные и ученые люди вЪ слѢдующїй день кЪ нему собрались для рѢшенїя нѢкоторой задачи.

Собрались всѢ знатные и ученые люди вЪ Султанской

дворецъ, и онъ спросилъ ихъ: *что всего въ свѣтѣ пригожѣе?* Сія задача подала поводъ къ разнымъ размышленіямъ. Любители пригожихъ женщинъ сказали, что первенствующая Султанша пригожѣе всего въ свѣтѣ. Такихъ велѣлъ Султанъ выгнать, сказывая, что они любили вещь вредную человѣческому разуму. Ласкатели говорили, что Султанъ былъ всѣхъ въ свѣтѣ пригожѣ. Такихъ Султанъ велѣлъ послать на галеру, яко вредныхъ государству ласкателей. Духовной Турецкой санъ, сказывалъ, что ничего похвальнѣе въ свѣтѣ нѣтъ, какъ богомолїе и повиновеніе духовной власти. Такимъ Султанъ приказалъ обрить бороды, и оставить ихъ въ пренебреженіи, зная, что они свое притворство богомоленіемъ называли. Славолюбцы, сказывали, что

пріятнѣе всего въ свѣтѣ, слава, которой Султаны и всесвѣтные Монархи желаютъ: такихъ приказалъ Султанъ наградить щедро, выхваляя ихъ мнѣніе, однако назвалъ оное не совсемъ справедливымъ, сказывая, что есть такая вещь, или дѣйствіе въ природѣ, которое намъ кажется быть лучше славы. На слѣд ики царства при Султанѣ находящіеся утверждали, что корона пріятнѣе всего въ свѣтѣ. Такою вамъ только она быть кажется, отвѣчалъ имъ Султанъ, а я гораздо предпочитаю коронѣ то, о чемъ вы и не думаете. Скупые сказывали, что сокровища лучше всего. Таковыхъ велѣлъ Султанъ выслать изъ дворца, зная, что скупость такому мѣсту не приличествуетъ. Ученые сказывали, что ученость и разумъ больше всего украшали человѣка. Тако-

выхъ послалъ Султанъ въ училища, приказывая имъ учить ребятъ; притомъ ихъ увѣдомилъ, что къ трону они пришли очень поздо, и что престолъ больше научаетъ Государя, нежели Академія, которой престольная наука неизвѣстна. Правдивые говорили, что добродѣтель дороже и лучше всего. Тѣхъ Султанъ велѣлъ оставить при своемъ дворѣ, однако имъ сказалъ, что добродѣтель пригожа на другомъ свѣтѣ, а не на семъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ: тотъ пригожѣ, всѣхъ, кого мы любимъ. Тогда Султанъ жестоко вздохнувъ, пожаловалъ послѣдняго рѣшетеля своей задачи первымъ своимъ Министромъ.

И подлинно всего пригожѣе то, что кому нравится.

АРАПЪ и БѢЛАЯ ЖЕНЩИНА.

Европейская женщина наряженная въ богатое платье, нарумяненая, и многими мушками разпещренная, увидя проходящаго мимо ее Арапа, плюнула, говоря, фу! какая эта мерзская рожа. Что услыша Арапъ, спросилъ ее; чья? моя ли или ваша? Конечно твоя, отвѣчала кокетка. Нѣтъ, такъ ты ошиблась пестренькая тварь, сказалъ Арапъ; цвѣты пригожествомъ равны, и только человѣческой вкусъ ихъ разбирать умѣетъ. Иному нравится черной, иному бѣлой, иному желтой, или красной, либо зеленой, или синей; а я слыхалъ, что дуракамъ пестренькое нравится, и ты думаю, имъ очень понравишся, понеже на тебѣ безъименныхъ цвѣтовъ премножество; столько ты упещрена. Рожа твоя, продолжалъ Арапъ, такъ нару-

нарумянена, что горитъ какъ огонь. Я думаю, что ты не безъ умысла толь много румянишся; ибо вашего сословія госпожи, которые любятъ часто прогуливаться и перемѣнять жилища и ночлеги, по большой части бываютъ нарумянены оплеухами отъ тѣхъ, коимъ ихъ обманы наскучатъ. И вы для того толь много румянитесь, чтобъ румянца отъ чужей ладони произшедшаго, которымъ часто лице ваше украшаютъ, не было видно. Ты не правду говоришь, сказала кокетка, у насъ такая мода, чтобъ румяниться, и у насъ то за пригожество почитаютъ. А у насъ такая мода, отвѣчалъ Арапъ, чтобъ быть черными, и черность у насъ за красоту почитаютъ, а бѣлость въ презрѣніи.

И

Лисицѣ свой хвостъ нравится, а волку свой.

ВОЛКЪ, СКУПЕЦЪ и ЕХИДНА.

Скупецъ считая свои деньги, увидѣлъ чрезъ окошко волка влекущаго въ лѣсъ его овечку. Тогда оставя деньги на столѣ, выскочилъ и бѣжалъ за волкомъ, крича во весь голосъ: ненасытной волкъ, мало ли ты чужихъ овецъ съѣлъ, за чѣмъ ты похитилъ мою овечку? Отдай мнѣ оную, или я кричать не перестану. Хоть ты лопни крича, отвѣчалъ волкъ, однако я тебѣ овечки не отдамъ. Ты меня, продолжалъ волкъ, зовешь не насытнымъ звѣремъ, а самъ своей страсти ничемъ насытить не можешь. По томъ ушелъ отъ него съ овечкою. Скупецъ въ отчаянїи возвращаясь домой, увидѣлъ по дорогѣ ползущую ехидну, и надѣясь нѣсколько копѣекъ за нее получить отъ Аптекаря,

убилъ ее. Ехидна умирая, такъ говорила ему: ты убилъ себѣ подобную тварь. Мы другъ на друга во всемъ похожи. Какъ я живу, продолжала ехидна, то людей кусаю и всѣмъ вредъ дѣлаю, а какъ умру, то гожусь на лѣкарства; подобнымъ образомъ и ты, когда живешь; то обижаешь всѣхъ и уязвляешь свою родню, а какъ умрешь, то имъ облегченіе приносишь, и они сокровищами твоими исцѣляютъ свою бѣдность. Послѣ сего старикъ пришелъ домой продавъ ехидну Аптекарю. Племянникъ его, который по немъ надѣялся получить много денегъ въ наслѣдіе (ибо у него дѣтей не было) поймалъ живую ехидну, и какъ старой скупецъ спалъ, то припустилъ ее къ его грудямъ. Ехидна его укусила въ горло, и скупецъ въ нѣсколько дней скончался, а племянникъ

Ф. 30к

овладѣлъ всѣми его сокровищами.

СОКОЛЪ и ЛАСТОВИЦА.

Соколъ имѣя въ когтяхъ добычу, гонялся за другою. Онъ увидя несущую перышко въ гнѣздо свое ластовицу, погнался за нею; но ластовица убѣжала и спряталась подъ кровлю. Хищной соколъ не хотѣлъ улетѣть изъ того двора, подъ кровлю котораго спряталась ластовица, и на воздухѣ носился, дожидаясь, не вылетитъ ли изъ подъ кровли ластовица. У хозяина онаго дому, были молодые цыплята, и онъ опасаясь, чтобъ соколъ не унесъ его цыпленка, застрѣлилъ сокола изъ ружья, который не пользовался и тою добычею, что имѣлъ уже въ своихъ когтяхъ.

Инв. 48006

овладѣлъ
щами.

СОКОЛ

Соколъ
бычу, гоня
увидя нес
гнѣздо свое
за нею; н
и спрятала
ной соколъ
изъ того
котораго с
и на воз
жидаясь, н
подъ кровл
ина онаго
цыплята,
соколъ не
застрѣлил
который н
добычею,
своихъ ко

Colour Chart #13
Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black
DANES PICTA .COM